K 6 4/34
m. 11

R6 4/34

ПУТЕШЕСТВІЕ
РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА
ПО
АВГАНИСТАНУ
И
БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ
ВЪ 1878—1879 гг.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ЧЛЕНА ПОСОЛЬСТВА,

Д-РА И. Л. ЯВОРСКАГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ II

Съ приложеніемъ: портретовъ эмира Авганскаго Ширъ-Али-Хана и эмира Бухарскаго Сеидъ-Мозафаръ-ед-Динъ-Хана, изображенія Бамьянскихъ каменныхъ истукановъ, карты верховьевъ Аму-Дарьи и маршрута посольства, составленнаго топографомъ посольства Н. А Бендерскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.
1883.

Переводъ безъ разрѣшенія автора не дозволяется.

СЕИДЪ-МОЗАФАРЪ-ХАНЪ

Эмиръ Бухарскій.

Дозв. ценз. Спб. авг. 21 1882.

Зав. В. Грацiанскаго, Спб., Невск., пр., 46

К6 4/34

ПУТЕШЕСТВІЕ
РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА
ПО
АВГАНИСТАНУ
И
БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ
ВЪ 1878—1879 гг.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ЧЛЕНА ПОСОЛЬСТВА,

Д-РА И. Л. ЯВОРСКАГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ II.

Съ приложеніемъ: портретовъ эмира Авганскаго Ширъ-Али-Хана и эмира Бухарскаго Сеидъ-Мозафаръ-ед-Динъ-Хана, изображенія Бамьянскихъ каменныхъ истукановъ, карты верховьевъ Аму-Дарьи и маршрута посольства, составленнаго топографомъ посольства Н. А. Бендерскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій. пер., д. № 14.
1883.

Переводъ безъ разрѣшенія автора не дозволяется.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 15702 V
4 – XII – 1928
БИБЛИОТ

ПУТЕШЕСТВІЕ

РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА

ПО

АВГАНИСТАНУ И БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ

Amicus Plato, sed magis
amica veritas.

ТОМЪ II.

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-го ТОМА.

Стр.

Глава I.—Опять въ путь.

Причины, вызвавшія мою вторичную поѣздку въ Авганистанъ.—Извѣстія о печальномъ санитарномъ положеніи нашей миссіи въ Кабулѣ.—Я получаю предписаніе снова отправиться въ Кабулъ.—Мои ташкентскіе сборы въ дорогу.—Открытый листъ на слѣдованіе въ Кабулъ.—Прощальная аудіэнція у генер. Кауфманна.—Отъѣздъ изъ Ташкента.—Почтовые порядки на самаркандско-джизакскомъ трактѣ.—Приготовленія къ пути, произведенныя мною въ Самаркандѣ.—Финансовыя затрудненія.—Курсъ нашего кредитнаго рубля на бухарскихъ рынкахъ.—Самаркандское общество.—Бѣглый обзоръ исторіи г. Самарканда съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго.—Постройки Тимуридовъ въ Самаркандѣ (по Баберу Мирзѣ) . . . . . 1—26.

Глава II.—Отъ Самарканда до Аму-Дарьи.

Выѣздъ изъ Самарканда.—Путь черезъ Каратюбинскій перевалъ.—Опять Алій.—Шахрисябзъ.—Встрѣча съ эмиромъ бухарскимъ,—Онъ дѣлается моимъ паціентомъ.—Изъ исторіи Шахрисябзя.—Продолженіе пути.—Моя переписка съ полк. Матвѣевымъ, возвращавшимся изъ Бадахшана.—Сочиненіе письма къ Лойнабу Чааръ-вилайета.—Переправа черезъ Аму и прибытіе въ Мазари-Шерифъ . . . . . 27—57.

Глава III.—Въ Мазари-Шерифѣ.

Прибытіе въ этотъ городъ.—Первыя извѣстія съ театра англо-авганской войны, полученныя мною.—Признаки броженія умовъ въ Авганистанѣ.—Слухи о намѣреніи эмира Ширъ-Али-хана переѣхать изъ Кабула въ Авганскій Туркестанъ.—Визитъ Лойнабу.—Пріѣздъ семейства эмира въ Мазари-Шерифъ.—Переписка съ Ташкентомъ.—Метеорологическія наблюденія.—Письмо отъ эмира.—Его пріѣздъ въ Ташъ-Курганъ—Я ѣду навстрѣчу нашей миссіи. 58—75.

Глава IV.— Съ авганскимъ эмиромъ.

Встрѣча моя съ нашей миссіей въ г. Ташъ-Курганѣ.—Разсказы членовъ миссіи о житьѣ ихъ въ Кабулѣ.—Подробности англо-авганскаго столкновенія.—Русско-авганская дипломатическая переписка.—Причины военныхъ неудачъ авганцевъ.—Кабульская революція; причины, вызвавшія ее.—Критическое положеніе нашей миссіи.—Отъѣздъ эмира изъ Кабула.—Зимній путь миссіи черезъ Гинду-Кушъ.—Моя аудіэнція у эмира Ширъ-Али-хана.—Описаніе лагеря и окружающей мѣстности.—Я дѣлаюсь личнымъ врачемъ эмира . . . . . 76—124.

Глава V.—Съ Авганскимъ эмиромъ.

Переѣздъ эмира изъ Ташъ-Кургана въ Мазари-Шерифъ.—Авганскія войска.—Извѣстія о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ англичанъ въ Авганистанѣ.—Прибытіе авганскаго посольства изъ Ташкента.—Эмиръ получаетъ оффиціальный отказъ въ принятіи его въ Петербургѣ.—Бурныя пренія на аудіэнціи у эмира по поводу этого письма.—Новый курьеръ и новое письмо.—Приглашеніе эмира въ Ташкентъ.—Приготовленія къ этой поѣздкѣ.—Везиръ и Казій.—День эмира; его занятія, развлеченія, гаремъ.—Мой визитъ Казію. . . . . 125—174

Глава VI.—Съ эмиромъ Авганскимъ.

Отъѣздъ нашей миссіи изъ Авганистана.—Я остаюсь въ Мазари-Шерифѣ одинъ.—Послѣдняя аудіэнція миссіи у эмира.—Отказъ эмира.—Болѣзнь эмира Ширъ-Али хана.—Авганскіе врачи и туземная медицина.—Моя амбулаторія.—Поѣздка въ Тахтапуль.—Извѣстія съ театра англо-авганской войны и изъ внутренняго Авганистана.—Безнадежное состояніе болѣзни эмира.—Послѣдніе дни жизни эмира Ширъ-Али-хана . . . . . 175—216

Глава VII.

Краткая біографія эмира Ширъ-Али-хана.—Очеркъ времени его правленія.—Его пятилѣтняя борьба съ своими братьями.—Время англійскаго вліянія на него.—Реформы Ширъ-Али-хана.—Упадокъ англійскаго вліянія и усиленіе русскаго.—Физическій и моральный обликъ покойнаго эмира.—Этнографія Авганскаго Туркестана.—Статистика: приблизительная численность населенія, хлѣбопашество, скотоводство и другія занятія жителей.—Метеорологическія наблюденія . . . . . 217—236

Глава VIII.—Время смутъ.

Разные слухи и предположенія.—Три кандидата на опустѣвшій тронъ эмира Авганистана.—О Якубъ-ханѣ.—Происки любимой жены Ширъ-Али-хана.—Маметъ Гашимъ-ханъ — сильнѣйшій кандидатъ въ эмиры.—Мое положеніе среди готовящихся къ борьбѣ партій.—Начало безпорядковъ.—Тахтапульская рѣзня.—Анонимное письмо.—Распоряженія на случай моего внезапнаго выѣзда изъ Мазари-Шерифа.—Ночное нападеніе на мой домъ.—Выкупъ.—Разные зловѣщіе слухи. — Сердарь Нейкъ Магометъ-ханъ.— Нѣтъ корму.—Маметъ Якубъ-ханъ — Эмиръ Авганистана.—Опять рѣзня и пушечные выстрѣлы.—Визитъ Сердаря Маметъ-Таиръ-хана. 237– 267

Глава IX.—Отѣздъ изъ Мазари-Шерифа.

Ожиданіе «хоржумовъ». — Мирза Маметъ-Динъ-ханъ. — Мирза Маметъ-Ташъ—мой будущій корреспондентъ.—Спасеніе аптеки и потеря вьючнаго обоза.—Нежеланіе посѣять свою голову въ Авганистанѣ. — Пріѣздъ Сердаря Нейкъ-Магометъ-хана.—Нежелательный спутникъ въ дорогѣ.—Обидчивость Мосинъ-хана.—Новости съ театра англо-авганской войны.—Пропавшій «ябу».—Проѣздъ городомъ.—Прощаніе съ Сердаремъ.—Опасеніе погони грабителей.—Атмосферная борьба.—Песчаный буранъ.—Что дѣлать?—Мосинъ-ханъ и узбеки. — Въ Сіагырдѣ.—Два дня безъ корму.—Переѣздъ по пустынѣ.—Бухарскіе посланцы розыскиваютъ меня.—На берегу Аму.—Прощаніе съ Мосинъ-ханомъ. — Ретроспективный взглядъ на наше прошлое въ Авганистанѣ.—По сю сторону Аму . . 268—296

Глава X.—Отъ Аму-Дарьи до города Бухары.

Дневка въ Патта-Гюзарѣ.—Переписка съ ширабадскимъ бекомъ и Сердаремъ Нейкъ-Магометъ-ханомъ.—Въ Ширъ-абадѣ.—Визитъ беку.—Его находчивость.—Мои думы по поводу поѣздки въ Бухару.—Донесенія въ Ташкентъ.—Невѣжливость бека.—Я ѣду въ Бухару.—Опять у «Желѣзныхъ воротъ». — Чешма-и-Хафизанъ. — Горная лощина Теньги-Харамъ. — Урочище «Кара-Сачъ» — Опять въ гостяхъ у гюзарскаго бека. — Въ Карши. — Косанъ.—Раббатъ Какыръ. — Путь подъ дождемъ. — Неточности карты Генеральнаго Штаба.—Бузачи.—Караулъ.—Абдуллахъ-ханъ—строитель. — Комфортъ въ степи.—Характеръ степи.—Горный кряжъ Мама-Джаргаты.—«Просоленная» мѣстность.—Встрѣча съ бухарскими сановниками.—Въ предмѣстьи Бухары, Коканѣ. . . . . 297—322

Глава XI.—Въ городѣ Бухарѣ.

Въѣздъ въ Бухару.—Евреи.—Въ нашемъ дворцѣ.—Письмо отъ Сердаря Нейкъ Магометъ-хана.—Разсказъ Максута.—Шпіонство нашего «добраго дорогаго друга», ширабадскаго бека.—Болтовня Рахметулы, мирахура.—Туземный спектакль.—Виртуозъ на «каманчѣ».—Визитъ эмиру бухарскому.—Неожиданный конецъ аудіэнціи.—Въ гостяхъ у Кошъ-беги.—Папиросы фабрики Богданова.—Подарки эмира.—Кремль Бухары.—Мои амбулаторные больные.—Еврей Якубовъ.—Свѣжія новости объ Авганистанѣ.—Поѣздки по Бухарѣ.—Въ поискахъ за дервишами.—«Календеръ-ханэ».—На бухарскомъ базарѣ.—Вавилонское смѣшеніе типовъ.—Медрессе Миръ-Араба.—Колоссальный минаретъ.—Въ туземномъ «университетѣ».—Великовозрастный студентъ.—Недовольный профессоръ.—Курсъ ученія въ медрессе.—Видъ на городъ съ птичьяго полета.—Домашній базаръ.—Состояніе нашего курса на бухарскомъ рынкѣ.—Опять на базарѣ.—Дервиши.—Наша обычная «томаша».—Путешествіе ко гробу хаджи Бага-эдъ-дина.—Опять на кровлѣ медрессе.—Неожиданный скандалъ, устроенный прекрасною половиною бухарскаго населенія.—Вечерній отдыхъ въ саду.—Визитъ губернатора Бухары, Маметъ-Шерифъ-бія.—Первый весенній праздникъ въ Бухарѣ.—Народное гуляніе.—Въ гостяхъ у губернатора Бухары.—Вѣсти изъ Авганистана.—Бухарское гостепріимство становится неудобнымъ.—Прощальная аудіэнція у эмира бухарскаго . . . . . 323—378

Глава XII.—Возвращеніе въ Ташкентъ.

Путь отъ г. Бухары до Катта-Кургана.—Кермине.—Зіаддинъ.—На границѣ.—Зера-булакскія высоты.—День въ Катта-Курганѣ.—Отъ Катта-Кургана до Самарканда.—Міанкальская долина.—Прибытіе въ Ташкентъ.—Общій взглядъ на событія, происшедшія въ 1878—79 г.—Заключеніе . . . . . 379—385

ГЛАВА I.

Опять въ путь.

Причины, вызвавшія мою вторичную поѣздку въ Авганистанъ. — Извѣстія о печальномъ санитарномъ положеніи нашей миссіи въ Кабулѣ. — Я получаю предписаніе снова отправиться въ Кабулъ. — Мои ташкентскіе сборы въ дорогу. — Открытый листъ на слѣдованіе въ Кабулъ. — Прощальная аудіэнція у генер. Кауфманна. — Отъѣздъ изъ Ташкента. — Почтовые порядки на самаркандско-джиззакскомъ трактѣ. — Приготовленія къ пути, произведенныя мною въ Самаркандѣ. — Финансовыя затрудненія. — Курсъ нашего кредитнаго рубля на бухарскихъ рынкахъ. — Самаркандское общество. — Бѣглый обзоръ исторіи г. Самарканда съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. — Постройки Тимуридовъ въ Самаркандѣ (по Баберу Мирзѣ).

Въ концѣ сентября мѣсяца 1878 г. состоялось Высочайшее повелѣніе относительно нашей миссіи, находившейся въ Кабулѣ. Въ силу этого повелѣнія она должна была остаться въ Авганистанѣ впредь до особаго распоряженія.

Отъ генерала Столѣтова, находившагося въ то время въ Ливадіи, въ Ташкентѣ не получалось почти никакихъ извѣстій. Одинъ только разъ онъ прислалъ генер. Кауфманну коротенькую телеграмму, въ которой извѣщалъ Туркестанскаго генер.-губернатора, что онъ работаетъ по авганскому вопросу день и ночь, что недавно былъ боленъ

лихорадкой, но что потомъ поправился. О своей вторичной поѣздкѣ въ Кабулъ теперь онъ не говорилъ ни слова. Въ Ташкентѣ объ этомъ также ничего не было извѣстно. Впрочемъ, въ это время достаточно уже выяснилось, что генер. Столѣтовъ не поѣдетъ вторично въ Авганистанъ, такъ какъ начальникомъ оставшейся въ Кабулѣ части нашей миссіи былъ назначенъ генер.-маіоръ Н. О. Разгоновъ. О моей обратной поѣздкѣ въ Авганистанъ тоже не было ничего извѣстно. По крайней мѣрѣ я долго не получалъ никакихъ опредѣленныхъ распоряженій въ этомъ смыслѣ.

Между тѣмъ миссія нуждалась во врачѣ. Въ наступившее осеннее время кабульскія лихорадки дали себя знать миссіи почти повальнымъ заболѣваніемъ всего ея состава. Но это бы еще куда ни шло: если есть хининъ, лихорадки совсѣмъ не страшны.—Дѣло было-хуже. Въ Кабулѣ въ сентябрѣ мѣс. вспыхнула тифозная эпидемія. Одинъ казакъ уже заболѣлъ тифомъ, какъ объ этомъ сообщалъ генер. Разгоновъ. За первымъ больнымъ могъ послѣдовать другой, третій—и невозможно было предвидѣть, чѣмъ все это кончилось бы, до какихъ предѣловъ дошла бы болѣзненность миссіи.

Въ концѣ октября мѣс. генер. Разгоновъ прислалъ Туркест. ген.-губернатору письмо, въ которомъ, между прочимъ, подробно описалъ затруднительное положеніе миссіи, оставшейся въ Кабулѣ безъ врача. Въ своемъ письмѣ онъ сообщалъ также личное желаніе эмира Ширъ-Али-хана имѣть при себѣ русскаго врача, такъ какъ его болѣзнь горла усилилась и онъ чувствовалъ себя очень дурно. Особенно сильно онъ жаловался на кашель, постоянно мучившій его. При этомъ генер. Разгоновъ, со словъ эмира присоединялъ, что «тѣ порошки, которые оставилъ здѣсь докторъ-саибъ при своемъ отъѣздѣ изъ Кабула, принесли многимъ большое облегченіе отъ кашля». Поэтому эмиръ и просилъ генер. Разгонова о томъ, чтобы онъ довелъ до свѣденія генер. Кауфманна его желаніе—имѣть русскаго врача, и именно меня. Результатомъ этого письма было оффиціальное приглашеніе, присланное мнѣ генералъ-губернаторомъ,—пожаловать къ нему для совѣщанія о новой поѣздкѣ моей въ Кабулъ. Я не замедлилъ явиться и получилъ отъ генер. Кауфманна приказаніе—готовиться къ новой поѣздкѣ въ Авганистанъ.

Готовиться къ новой поѣздкѣ въ Авганистанъ мнѣ нужно было

теперь гораздо лучше, чѣмъ лѣтомъ: 1) эта поѣздка должна была продолжаться болѣе или менѣе долгое, вообще—неопредѣленное время; 2) на этотъ разъ надо было мнѣ пройти Бамьянскимъ путемъ въ позднее время года, зимою, черезъ цѣлую почти дюжину перевaловъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ 12—13 тыс. футъ высоты. Имѣвшіяся до этого времени свѣденія объ этомъ пути сообщали, что съ половины ноября по апрѣль мѣс. горные перевалы Гинду-Куша бываютъ покрыты снѣгомъ, путь черезъ нихъ дѣлается крайне затруднительнымъ, а иногда и совсѣмъ непроходимымъ. Въ виду всего этого мнѣ надо было приготовиться какъ слѣдуетъ къ зимнимъ холодамъ и вьюгамъ, которые могли бы застать меня въ пути, во время слѣдованія черезъ горы.

Кромѣ надлежащаго путеваго снаряженія самаго себя я долженъ былъ приготовить походную аптеку, и, на этотъ разъ, въ гораздо большемъ объемѣ, чѣмъ прежде, потому что продолжительность моего пребыванія въ Авганистанѣ была не опредѣлена (по предположенію ташкентск. начальства я могъ пробыть въ Авганистанѣ даже цѣлый годъ), да и объектъ моей врачебной дѣятельности предполагался болѣе обширный, чѣмъ въ первую поѣздку. Такъ, напримѣръ, было предположеніе, что я вынужденъ буду играть роль единственнаго санитарнаго врача всей авганской арміи, собиравшейся воевать съ англичанами.

Надо было позаботиться и о вьючномъ обозѣ. Горькимъ опытомъ, вынесеннымъ изъ предыдущей поѣздки, я убѣдился—что́ значитъ легко относиться къ этому дѣлу. Поэтому теперь, при разсчетѣ подъемныхъ средствъ на мою спеціальную поѣздку, я принялъ за норму, чтобы вѣсъ вьюка для лошади не превышалъ 4-хъ пудовъ. Вьюки бо́льшаго вѣса въ пути по такимъ гористымъ мѣстностямъ, какъ Авганистанъ, очень скоро утомляютъ животное, а еще скорѣе дѣлаютъ его непригоднымъ къ дальнѣйшей работѣ, вслѣдствіе наминки и пораненія спины. Какъ бы ни было хорошо прилажено къ животному вьючное сѣдло, но если вьюкъ тяжелъ—никакая спина не устоитъ противъ ежедневнаго продолжительнаго давленія на нее очень тяжелаго вьюка.

Что касается моего личнаго снаряженія, то на тѣ средства, какія были выданы мнѣ и теперь на эту поѣздку, нельзя было особенно раз-

гуляться. Правда, подъемныхъ я теперь получилъ 300 рублей, а не 200, какъ лѣтомъ,—но изъ этой суммы сдѣланъ былъ вычетъ 16% на инвалидовъ и въ пенсіонный капиталъ, такъ что прибавка оказалась почти что фикціею. Чтобы дать читателямъ понятіе о средствахъ, назначенныхъ на разныя статьи расходовъ по моей экспедиціи, я прилагаю здѣсь вѣдомость, составленную въ канцеляріи Туркестанскаго генералъ-губернатора. Думаю, что читатель не очень посѣтуетъ на меня за такія скучныя, какъ вообще канцелярскія, подробности.

№№	Суточныхъ съ 13-го ноября по 1-е января 1879 г.	Сумма. Руб.	Коп.
1)	Доктору Яворскому по 3 р. въ сутки	144	—
2)	Фельдшеру по 50 коп. въ сутки	24	—
3)	Уряднику по 50 коп. въ сутки	24	—
4)	9-ти казакамъ по 30 коп. въ сутки	139	20
5)	Переводчику по 1 р. въ сутки	48	—
	Подъемныхъ.		
6)	Фельдшеру	80	—
7)	Переводчику	100	—
8)	На покупку 3-хъ юламеекъ [1])	75	—
9)	На покупку 16-ти подъемныхъ лошадей . . .	800	—
10)	На покупку фуража для 16-ти лошадей . . .	320	—
11)	На непредвидѣнные расходы	300	—
12)	На наемъ лаучей.	150	—
	Итого . .	2,204	20;
	а съ начисленіемъ 15% необходимыхъ при обмѣнѣ 1,149 р. 20 к. кредитныхъ билетовъ на бухарскія теньги	172	38
	Всего . .	2,376	58.

15% надбавлялись на означенную выше сумму для лажа при мѣнѣ кредитныхъ рублей на бухарское серебро, именно для рубрикъ подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11 и 12.

Изъ вѣдомости видно, что животныя, назначенныя въ обозъ, были одарены матеріальными средствами щедрѣе, чѣмъ люди. Незначитель-

[1]) Войлочныхъ палатокъ.

ность средствъ, назначенныхъ для фельдшера, особенно рѣзко бросается въ глаза; но я по этому поводу могу только сказать, что назначеніе средствъ отъ меня нисколько не зависѣло.—Переводчикъ—разсчитывая, конечно, на переводчика-туземца—былъ обезпеченъ повидимому болѣе или менѣе удовлетворительно. Но я не могу умолчать о томъ, что не нашелъ ни одного порядочнаго, грамотнаго переводчика, который согласился бы ѣхать въ Авганистанъ за назначенное вознагражденіе. Такъ и долженъ былъ я отправиться въ путь безъ переводчика, обходясь въ путевой практикѣ своимъ небольшимъ знаніемъ персидскаго языка, да небольшой помощью одного джигита и казака-оренбуржца; говорившаго довольно сносно по татарски.

Казаки были снаряжены, относительно говоря, довольно хорошо: къ суточнымъ деньгамъ, назначеннымъ по «вѣдомости», прибавлены были имъ еще и фуражныя деньги изъ той части войскъ, въ которой они состояли въ данное время на службѣ.

Изъ «вѣдомости» же читатель можетъ узнать почти весь составъ людей, назначенныхъ въ мою экспедицію. Фельдшеръ, командированный въ мое распоряженіе, былъ выбранъ мною изъ лучшихъ госпитальныхъ силъ. Казачій конвой присоединился ко мнѣ въ Самаркандѣ.

На разныя приготовленія къ путешествію я потратилъ не мало времени. Впрочемъ, большая часть его потеряна была даромъ, и не по моей винѣ, а вслѣдствіе обычной медленности канцелярскаго дѣлопроизводства. Изъ-за этой, совсѣмъ почти заѣвшей насъ, русскихъ, канцелярщины, у меня чуть было не возникло серьезное столкновеніе съ разными «канцелярскими повытчиками», привыкшими затягивать всякое дѣло до безконечности. А между тѣмъ мнѣ надо было торопиться. Лишній день, даже лишній часъ, даромъ проведенный мною въ Ташкентѣ, могъ отозваться впослѣдствіи, въ пути по горамъ, очень невыгодно.

Наконецъ, 15-го ноября, экзекуторъ Н. вручилъ мнѣ пачку кредитныхъ билетовъ (опять таки кредитные билеты!) и 400 шт. авганскихъ рупій.

Туркестанское начальство пересылало со мной также и суточныя деньги для членовъ миссіи, находившихся въ Кабулѣ. Эти деньги также были выданы мнѣ кредитными билетами!—Что могла дѣлать миссія съ кредитными билетами въ Кабулѣ, гдѣ не су-

ществуетъ не только размѣнныхъ лавокъ, но и самаго понятія о русскихъ бумажныхъ денежныхъ знакахъ—одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Впрочемъ, кромѣ Аллаха, вѣроятно знало и туркестанское начальство, но держало отъ меня это знаніе въ секретѣ.

Вмѣстѣ со мною же генералъ Кауфманнъ пересылалъ генер. Разгонову ящичекъ съ серебряными вещицами, назначенными для подарковъ разнымъ авганскимъ лицамъ. Я думаю, что для читателей не безъинтересно будетъ узнать списокъ этихъ подарковъ. Мнѣ кажется, что онъ можетъ навести на нѣкоторыя размышленія, выводы изъ которыхъ сдѣлаетъ и самъ читатель, помимо меня. Вотъ этотъ списокъ:

СЧЕТЪ

Въ Канцелярію Генералъ-Губернатора
отъ Д. Н. Захо [1]).

2 бокала по 16 руб.	32 р.
4 стакана по 15 р.	60 »
1 сахарница	40 »
1 тожъ	38 »
1 спичечница	14 »
1 тожъ	18 »
1 портмоннэ	23 »
1 портпапиросъ	30 »
1 тожъ	33 »
1 тожъ	35 »
1 тожъ	30 »
Итого .	353 р.

Подписалъ довѣренный Д. Н. Захо, Ларкинъ.

Я замѣчу только, что подборъ предметовъ, назначавшихся для подарковъ, очень нецѣлесообразенъ. Для чего, напр., дарить авганцу-мусульманину бокалы?—Такой подарокъ просто неприличенъ: мусульманину кораномъ запрещено пить вино.— Къ чему также эти дорого стоющіе портпапиросы, когда авганцы не курятъ папиросъ и всѣ, отъ простолюдина до Сердаря, употребляютъ для куренія кальянъ-чилимъ?

[1]) Наиболѣе значительный торговый домъ въ Ташкентѣ.

Наиболѣе цѣлесообразными подарками были бы въ родѣ слѣдующихъ: часы карманные, ножи перочинные, табакерки (многіе авганцы нюхаютъ табакъ) и проч. Между тѣмъ участь подарковъ въ видѣ бокаловъ, портъ-папиросъ и т. под. была очень печальна. Я знаю, напр., что даже эмиръ Ширъ-Али-ханъ переплавилъ на монету подаренный ему генер. Столѣтовымъ серебряный сервизъ съ бокалами, рюмками и тому подоб. принадлежностями. Также поступали съ подаренными вещами и другіе авганцы. Они такимъ образомъ переводили подарокъ на деньги; но понятно, что подарокъ терялъ при этомъ все свое значеніе, ибо въ видѣ металла и вычеканенныхъ изъ него денегъ онъ представлялъ очень небольшую цѣнность.

16-го ноября я имѣлъ прощальную аудіэнцію у Туркестанскаго генералъ-губернатора, фонъ-Кауфманна. За завтракомъ онъ познакомилъ меня до извѣстной степени съ такъ называемымъ «авганскимъ вопросомъ» и тою ролью, которую Россія могла играть въ немъ. Онъ высказалъ при этомъ много очень вѣскихъ сужденій о начавшейся распрѣ между англичанами и авганцами—сужденій, которыя оправдались потомъ почти съ математической точностію.—Говоря о моей предстоящей поѣздкѣ, онъ указывалъ на то, что могло болѣе или менѣе затруднить мое путешествіе по Авганистану.

— Трудности нетолько вашего путешествія, но и вообще положенія миссіи въ Авганистанѣ, говорилъ ген. Кауфманнъ, возрастутъ особенно съ тѣхъ поръ, когда англичане начнутъ военныя дѣйствія противъ авганцевъ.

Въ противоположность общему мнѣнію нашей прессы, утверждавшей, что англичане къ немедленному походу въ Авганистанъ не готовы и не могутъ открыть военныхъ дѣйствій раньше весны, генер. Кауфманнъ говорилъ, что когда я пріѣду въ Кабулъ, англо-авганская война будетъ уже въ полномъ разгарѣ. При этомъ онъ прибавилъ, что Россія не можетъ оказать эмиру Ширъ-Али-хану помощи своими войсками не смотря на его просьбу объ этомъ, выраженную въ письмѣ къ Государю Императору. Вообще генералъ-губернаторъ рекомендовалъ какъ мнѣ, такъ и вообще миссіи, соблюдать полнѣйшую осторожность и сдержанность въ сношеніяхъ съ авганцами.

Въ тотъ же день я получилъ отъ генер. Кауфманна дорожный

видъ на безпрепятственное слѣдованіе мое до Кабула. Видъ написанъ былъ по русски и по персидски. Вотъ его содержаніе:

«Предъявитель сего, русскій докторъ Яворскій, командированъ мною въ Кабулъ въ русское посольство. При немъ одинъ русскій фельдшеръ, 10 человѣкъ русскихъ казаковъ, переводчикъ и два джигита изъ сартовъ.

«Докторъ Яворскій поѣдетъ черезъ Бухарскія владѣнія, на Чушка-Гузеръ и Мазари-Шарифъ.

«Прошу всѣхъ Начальниковъ, которые будутъ находиться на пути слѣдованія г. Яворскаго, оказывать ему содѣйствіе и покровительство къ безпрепятственному слѣдованію его въ Кабулъ.

«Туркестанскій генералъ губернаторъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманнъ 1».

17-го ноября я выѣхалъ изъ Ташкента въ Самаркандъ.

Проѣзжая голодною степью, я на этотъ разъ испытывалъ совсѣмъ другое ощущеніе, чѣмъ лѣтомъ. Тогда я задыхался отъ нестерпимаго зноя, теперь же мнѣ пришлось отъ холода сильно кутаться въ шубу, особенно во время ночной ѣзды.

Однако, кругомъ была таже безжизненная обстановка, что и лѣтомъ: тѣ же остовы павшихъ отъ почтовой гоньбы лошадей валялись тамъ и сямъ по дорогѣ, тѣ же полуразрушенные колодцы съ солоноватой грязью вмѣсто воды, тѣ же верблюды, группами и въ одиночку пасущіеся въ разныхъ мѣстахъ степи, тѣ же миражи, то же монотонное позвякиванье колокольчика, то же состояніе полузабытья...

Въ два часа ночи медленно тянувшаяся, покрытая инеемъ, моя почтовая трашпанка [1]), съ дремавшимъ на облучкѣ ямщикомъ, качнулась раза два изъ стороны въ сторону, отдала назадъ и вслѣдъ затѣмъ остановилась. Я очнулся отъ того оцѣпенѣнія, въ которое былъ повергнутъ ночнымъ холодомъ, монотонымъ звяканьемъ колокольчика, мѣрнымъ, неторопливымъ шлепаньемъ лошадиныхъ копытъ по пыльной дорогѣ, и растолкалъ клевавшаго носомъ ямщика-киркиза. Передо мной была станція Джимбай, послѣдняя станція передъ Самаркандомъ. Ямщикъ сначала почесалъ зачѣмъ-то затылокъ, потянулся, крякнулъ скатился съ козелъ на земь и затѣмъ неторопливо направился къ

[1]) Такъ называется здѣсь перекладная почтовая повозка.

станціонному двору. Послышались два-три глухихъ оклика, которыми мой киргизъ звалъ дежурныхъ ямщиковъ; но отклика на нихъ не послѣдовало. Ямщикъ вскорѣ совсѣмъ пропалъ на дворѣ.

Прождавъ въ повозкѣ минутъ 15, я сталъ звать къ себѣ моего ямщика, но безъ всякаго результата. Не было слышно ни единаго звука. Дѣлать нечего, приходилось мнѣ самому разыскивать ямщика, или хотя кого либо изъ служащихъ на станціи. Взойдя на станцію, я нашелъ запертыми на ключъ какъ комнату для проѣзжающихъ, такъ и комнату станціоннаго старосты. Я сталъ стучать въ двери, но толку изъ этого выходило мало. На мой зовъ отвѣчало мертвое молчаніе. Тогда я отправился на дворъ, съ цѣлью розыскать хотя какое либо живое существо. Кое-какъ мнѣ удалось отыскать моего ямщика, который мнѣ и сообщилъ, что никого на станціи не нашелъ. Узнавъ отъ него, что на этой же станціи живетъ человѣкъ, завѣдующій хозяйственною частью почтоваго тракта, я послалъ ямщика за нимъ. Долго мнѣ пришлось ожидать въ холодныхъ и темныхъ сѣняхъ прихода означеннаго лица.

Наконецъ пришелъ этотъ, знаменитый въ лѣтописяхъ почтовыхъ жалобныхъ книгъ, мужъ. Онъ принесъ съ собой атмосферу виннаго погреба. Покачиваясь на ногахъ, охрипшимъ отъ безпрерывнаго пьянства голосомъ онъ мнѣ объявилъ, что старосты на станціи нѣтъ, что онъ уѣхалъ на сосѣднюю станцію, сопровождая казенную почту и т. п.

Я потребовалъ себѣ лошадей. Но оказалось, что лошадей выдать мнѣ онъ не могъ, «потому что», объяснялъ «завѣдующій», «староста, уѣзжая съ почтою, заперъ на ключъ комнату, въ которой находятся книги для записи подорожныхъ видовъ ѣдущихъ по тракту лицъ». Поэтому онъ объявилъ, что не можетъ дать мнѣ лошадей.—Почему же нельзя мнѣ дать лошадей, спросилъ я не безъ удивленія? «Да потому, отвѣчалъ мнѣ этотъ человѣкъ, что книги для записи подорожныхъ заперты, а безъ прописки подорожной я не дамъ вамъ лошадей».—Не правда ли хороша отговорка? Точно онъ не могъ записать что нужно на листѣ бумаги, а потомъ уже по возвращеніи старосты на станцію, вписать въ книгу? Отговорка была, очевидно, очень нахальна и во всякой другой странѣ она немыслима, но въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ поч-

товые порядки еще напоминаютъ времена «держимордъ» и «тяпкинъ-ляпкиныхъ», это—явленіе обычное и, по своему, даже нормальное.

Войдя въ комнату для проѣзжающихъ, которую завѣдывающій кое-какъ отперъ, я уже взялся было за перо, чтобы записать жалобу въ записную почтовую книгу, когда г. Фаустъ (имя завѣдующаго хозяйствомъ тракта) нашелъ возможнымъ отпустить мнѣ лошадей.

Когда перепряжка была окончена, я пересчиталъ мои вещи, остававшіяся въ повозкѣ. При этомъ счетѣ не оказалось саквояжа. Очевидно было, что во время моихъ поисковъ на станціи какой либо злоумышленникъ похитилъ его. Очевидно было также, что вся вина пропажи саквояжа лежала на почтовой администраціи станціи. Вѣдь еслибы мнѣ не надо было уйти отъ повозки для отысканія людей, конечно ничего-бы не могло пропасть.

Я записалъ въ установленной книгѣ жалобу по поводу этого случая, но высшая почтовая администрація края поступила съ нею вѣроятно также, какъ поступаетъ и со всѣми прочими жалобами, вписанными въ книгу, поставивъ стереотипную резолюцію: считать жалобу неосновательной, а служащихъ на станціи—невиновными.—А между тѣмъ подобныя резолюціи санкціонируютъ и на будущее время всѣ безчинства и самоуправства панургова стада, именуемаго въ Туркестанскомъ краѣ почтовой администраціей. Почтовые тракты здѣсь представляютъ собою такое вопіющее зло для проѣзжающей публики, для рабочихъ на трактѣ, даже для окрестнаго населенія, что человѣку, не испытавшему хотя отчасти всѣхъ прелестей здѣшняго почтоваго пути, просто трудно себѣ и представить.

Между тѣмъ въ саквояжѣ были очень нужныя для меня вещи: анэроидъ, выданный мнѣ изъ мѣстнаго топографическаго отдѣла, карманный хирургическій наборъ, паровой пульверизаторъ, компасъ, нѣсколько фунтовъ чаю и сахару и проч.

Пріѣхавъ въ Самаркандъ, я заявилъ кому слѣдуетъ о случившейся покражѣ; приняты были мѣры къ отысканію ихъ, да такъ и отыскиваютъ до сихъ поръ.

Въ Самаркандѣ я тщательно занялся снаряженіемъ вьючнаго обоза. Теперь пришлось уже мнѣ самому, лично, вникать во всѣ малѣйшія подробности снаряженія; я самъ покупалъ лошадей для обоза, самъ пробовалъ ихъ алюры, осматривалъ каждую ногу, пересчиты-

валъ каждый зубъ во рту... однимъ словомъ, превратился на это время въ записнаго лошадинаго барышника. За то и лошади были куплены на этотъ разъ очень порядочныя. Они прекрасно сослужили свою службу, сдѣлали весь походъ безъ малѣйшей запинки, между тѣмъ и цѣна то ихъ была значительно ниже лѣтней. Теперь каждая лошадь мнѣ обошлась среднимъ числомъ въ 34 р.

Особенное вниманіе я обратилъ также на снаряженіе палатокъ. Очевидно было, что зимою нельзя довольствоваться полотняными палатками; надо было устроить войлочныя. Но вотъ тутъ то и предстоялъ вопросъ: какого рода построить палатки? Въ Средней Азіи кошемныя палатки употребляются двухъ видовъ: юрты и юломейки. Тѣ и другія очень хороши, но требуютъ для своей перевозки верблюжьяго обоза, или большаго количества подъемныхъ лошадей, чего у меня не было. Кромѣ того, установка ихъ требуетъ довольно много рукъ и времени, что опять-таки составляетъ въ дорожной практикѣ неудобство, а особенно въ холодное, зимнее время. Поэтому я устроилъ себѣ особенныя палатки, которыя представляютъ въ сущности увеличенные верхи отъ юломеекъ: 10—12 довольно крѣпкихъ палокъ, около сажени въ длину каждая, связаны были вмѣстѣ ремнемъ на одномъ ихъ концѣ; свободные же концы палокъ были заострены. Такой остовъ, поставленный на землю, образовалъ конусъ болѣе сажени въ діаметрѣ. Теперь надо было только выкроить кошму по этому остову—и палатка готова. Въ такой палаткѣ могло помѣститься 5 человѣкъ. Послѣдующая дорожная практика вполнѣ доказала ихъ пригодность. Такихъ палатокъ я устроилъ 4.

Для лошадей были куплены теплыя войлочныя попоны, да и вьючныя сѣдла, заказанныя мною нарочно для этого случая, были снабжены также войлочными попонами. Такимъ образомъ лошадь была покрыта попоной какъ въ дорогѣ, во время пути, такъ и во время стоянки на станціи.

Теперь мнѣ предстояло выполнить финансовую операцію по обмѣну бумажныхъ денегъ на бухарское серебро. Но тутъ я былъ весьма непріятно удивленъ. Отъ перваго же мѣнялы я узналъ, что нашъ кредитный рубль на бухарскихъ рынкахъ еще болѣе упалъ въ своей цѣнности, чѣмъ лѣтомъ, передъ поѣздкой въ Кабулъ. Такъ, въ данное время кредитный рубль шелъ здѣсь всего по 60 коп. на бухар-

ское серебро.—Что мнѣ было дѣлать съ великодушно предложенными 15% на лажъ? Для обмѣна моихъ денегъ на серебро недоставало еще 25% всей суммы. Находясь въ подобномъ затрудненіи я ничего лучшаго не придумалъ, какъ телеграфировать объ этомъ въ Ташкентъ. Я просилъ выслать мнѣ деньги серебромъ, и непремѣнно бухарскимъ, или же добавку въ 25% кредитными ко всей суммѣ. При тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, какія были назначены мнѣ на путешествіе, потеря 25% на лажъ была для меня очень чувствительна.

Между тѣмъ здѣсь, въ Самаркандѣ, я узналъ, что въ Ташкентскомъ казначействѣ должно было находиться серебро въ бухарскихъ теньгахъ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько времени тому назадъ эмиръ бухарскій пожертвовалъ Обществу «Краснаго Креста» 30,000 тенегъ бухарскимъ серебромъ.

Отвѣта на телеграмму мнѣ пришлось ждать довольно долго. Я ужь совсѣмъ рѣшился было на потерю въ 25%, такъ какъ необходимо было, во что бы то ни стало, обмѣнять деньги: въ Авганистанѣ бухарскія теньги ходятъ хорошо, но о русскихъ деньгахъ авганцы не имѣютъ никакого понятія. Кстати замѣчу здѣсь, что если обмѣнивать у здѣшнихъ мѣнялъ кредитные рубли на русское же размѣнное серебро, то не смотря на низкопробное его достоинство, все же они даютъ только 96 коп. за рубль. Здѣшніе мѣнялы—преимущественно индѣйцы, но есть и евреи—какъ оказывается, зорко слѣдятъ за курсомъ нашего рубля за границей. Въ послѣднихъ нумерахъ газетъ, какія здѣсь, въ Самаркандѣ, были только что получены, курсъ на Лондонъ былъ показанъ въ 61,5 коп. за кредитный рубль. А здѣшніе мѣняла спустили его даже до 60%.

Между тѣмъ всѣ мои дорожныя приготовленія были уже закончены. Задержка состояла только въ томъ, что отвѣта изъ Ташкента на мою телеграмму все еще не было.—Наконецъ, 25 ноября я получилъ отвѣтъ въ удовлетворительномъ для меня смыслѣ. Онъ былъ полученъ мною какъ нельзя болѣе кстати. Горбоносый мѣняла еврей уже отсчиталъ нѣсколько сотъ рублей бухарскими теньгами, когда почталіонъ вручилъ мнѣ желанную телеграмму, извѣщавшую меня, что серебро высылается мнѣ съ первою почтою.

Относительно туземной прислуги, которая необходима была для

вьючнаго обоза, я устроился очень хорошо и въ матеріальномъ, и въ моральномъ отношеніи. Прежде всего, конечно, надо было найти ловкаго и надежнаго караванъ-баши, заправилу вьючнаго обоза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ближайшаго начальника туземной прислуги. Я бы не прочь былъ взять въ качествѣ караванъ-баши уже испытаннаго въ этомъ дѣлѣ Раджабъ-Али-хана, ѣздившаго съ миссіею въ Кабулъ лѣтомъ. Но его въ данное время не было въ Самаркандѣ; нужный мнѣ джигитъ находился въ данное время въ Катта-курганѣ, въ распоряженіи мѣстнаго уѣзднаго начальника. Въ этотъ же день правителемъ канцел. нач. Зеравшанскаго округа была послана въ Катта-Курганъ телеграмма слѣдующаго содержанія: «Вышлите немедленно, если возможно, въ Самаркандъ джигита Раджабъ-Али и еще другаго джигита, ѣздившаго въ Кабулъ въ этомъ году».

На слѣдующее утро оба джигита уже были въ Самаркандѣ и представлялись мнѣ. Но въ то же время я узналъ, что Раджабъ-Али, несмотря на все свое желаніе, не могъ ѣхать со мной.

По распоряженію генер. губернатора онъ долженъ былъ отправиться въ Бадахшанъ съ различными порученіями къ полковнику Матвѣеву.

Я долженъ здѣсь пояснить читателю, что полковникъ Матвѣевъ въ сентябрѣ мѣс. 1878 г. получилъ разрѣшеніе Туркестанскаго генералъ-губернатора отправиться въ Бадахшанъ и Кафиристанъ. Цѣль этой поѣздки была чисто научная. Съ нимъ отправились: астрономъ Шварцъ, подпоручикъ Троцкій, 7 человѣкъ казаковъ и два стрѣлка. До Байсуна съ ними доѣхалъ извѣстный ученый, г. Руссовъ, такъ преждевременно похищенный у науки и общества безпощадною смертью.

Вотъ къ этой-то экспедиціи и долженъ былъ отправиться Раджабъ-Али, такъ какъ въ данное время объ ней не имѣлось никакихъ извѣстій. Раджабъ-Али долженъ былъ розыскать ее во что бы то ни стало.

Такимъ образомъ я долженъ былъ отказаться отъ услугъ этого человѣка. Но я былъ настолько счастливъ, что могъ замѣнить его еще лучшимъ джигитомъ. Такъ какъ этотъ джигитъ потомъ будетъ въ моемъ разсказѣ довольно часто упоминаться, и такъ какъ это далеко не дюжинный человѣкъ, то я и познакомлю съ нимъ читателя теперь же.

Нассиръ-ханъ,—такъ зовутъ моего джигита, котораго я сдѣлалъ своимъ караванъ-баши—родомъ авганецъ. Ему въ данное время было лѣтъ 35. У него много родственниковъ въ Авганистанѣ, а его мать съ нѣкоторыми членами семьи постоянно живетъ въ одномъ изъ предмѣстій Кабула.

До 1869 года онъ также жилъ въ Кабулѣ и его удаленіе оттуда имѣетъ вѣроятную связь съ окончательнымъ пораженіемъ Абдурахманъ-хана и отъѣздомъ его въ Самаркандъ.

Удалившись изъ Авганистана, Нассиръ-ханъ поступилъ на русскую службу и исполнялъ разныя порученія, касающіяся пограничной службы. Такъ, наприм., въ началѣ 1878 г. онъ ѣздилъ въ Кабулъ, куда отвезъ письмо генер. Кауфманна на имя эмира Ширъ-Али-хана. Порученіе это было исполнено имъ съ обычнымъ успѣхомъ. Нассиръ-ханъ говоритъ на 4-хъ языкахъ: турецкомъ, персидскомъ, авганскомъ и индійскомъ. По русски онъ еще плохо говоритъ, но понимаетъ хорошо. Это—человѣкъ, у котораго родственныя связи и знакомства находятся почти въ каждомъ средне-азіатскомъ городѣ.—Такой караванъ-баши былъ для меня настоящимъ кладомъ.

Затѣмъ мною были наняты еще 2 джигита, тоже испытанные; одинъ изъ нихъ бывалъ уже въ Кабулѣ; другой долженъ былъ мнѣ служить вмѣсто переводчика, такъ какъ настоящаго переводчика на тѣ суммы, которыя были мнѣ ассигнованы, какъ я сказалъ выше—нельзя было нанять. Этимъ тремъ джигитамъ было мною положено жалованье по 20 руб. въ мѣсяцъ каждому на всемъ готовомъ содержаніи, но на своихъ лошадяхъ. Затѣмъ еще были наняты 3 лаучей, безъ собственныхъ лошадей, но на моемъ же содержаніи, по 12 руб. въ мѣсяцъ каждому. Они должны были ѣхать на моихъ запасныхъ лошадяхъ.

Казаки, назначенные въ мой конвой были снаряжены удовлетворительно. Я обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы всѣ они непремѣнно были снабжены теплой одеждой. Я настоялъ, чтобъ они имѣли также валяные сапоги и овчинные полушубки.

Среди подобныхъ хлопотъ и сборовъ я не упустилъ случая, насколько возможно, расширить свое знакомство съ русскимъ Самаркандскимъ обществомъ. Впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ этого знакомства, только хорошія. Даже американскій городъ въ столь ко-

роткое время существованія едва ли могъ бы сдѣлать большее. Здѣсь есть мужская и женская прогимназія, и аптека съ безплатной раздачей лекарствъ туземцамъ, и общественное собраніе, куда собираются дѣйствительно затѣмъ, чтобы развлечься, повеселиться, а не дѣлать изъ себя выставку модныхъ магазиновъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ нашихъ столичныхъ общественныхъ собраніяхъ. Въ здѣшнемъ общественномъ собраніи не будетъ скучно и тѣмъ, кто не танцуетъ и не играетъ: читальня обладаетъ порядочнымъ запасомъ книгъ, а газетами и журналами, выписывающимися на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и даже на англійскомъ языкѣ, покрытъ огромный столъ.—Я уже и не долженъ былъ бы говорить о томъ, что въ городѣ существуетъ телеграфная станція, отдѣленіе государственнаго банка и проч. Можно отъ души пожелать этому молодому, но съ сильными и здоровыми зародышами городу дальнѣйшаго и еще болѣе быстраго развитія. Что бы ни говорили европейскіе руссофобы—пусть развивается русскій флагъ на древнихъ стѣнахъ Самарканда, и да здравствуетъ русская цивилизація, непонятная для себялюбивыхъ западныхъ торгашей, высасывающихъ жизненные соки изъ двухъ колоссальнѣйшихъ націй Азіи! Пусть эта цивилизація шествуетъ все далѣе и далѣе въ глубь варварскихъ странъ Востока. Она принесетъ имъ только одно счастіе...

Время основанія Самарканда, выражаясь стереотипною фразою, «покрыто мракомъ неизвѣстности».

Народное преданіе приписываетъ построеніе этого города мифическомъ герою, царю Эфрасіабу. Согласно съ этимъ преданіемъ—Эфрасіабъ былъ сынъ Тура, перваго Туранскаго властителя. Это преданіе имѣетъ, такъ сказать, совершенно законное основаніе для своего существованія. Еще и теперь при въѣздѣ въ Самаркандъ вы встрѣчаете груду мусора и развалинъ, называемыхъ туземцами Кала-и-Эфрасіабъ, т. е. замокъ Эфрасіаба. Нужно полагать, что древностію своею Самаркандъ едвали уступитъ когда-то знаменитымъ городамъ, въ настоящее время находящимся въ развалинахъ, какъ наприм. Вавилону, Ниневіи, Персеполю, Мемфису, Ѳивамъ и друг.

Согды, жившіе въ предѣлахъ нынѣшней Зеравшанской долины,

упоминаются еще у Геродота и въ эдиктахъ царя Дарія. Столица Согдіанцевъ, Мараканда, едвали не впервые упоминается и описывается у историковъ Александра Македонскаго.

Квинтъ Курцій въ немногихъ словахъ даетъ довольно точное описаніе Согдіаны и ея столицы, Мараканды.

«Согдіана», говоритъ онъ, «есть страна въ большей своей части пустынная; обширныя пустыни занимаютъ пространство почти въ 800 стадій въ ширину. Стремительная рѣка пересѣкаетъ страну въ прямомъ направленіи; эту рѣку жители называютъ Политиметомъ» [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что страна вдоль рѣки лѣсиста и удобна для устройства неожиданныхъ непріятельскихъ засадъ [2]).

Здѣсь, въ этихъ-то лѣсахъ, возмутившійся вождь Согдовъ, Спитаменъ, напалъ на 2000 пѣхотинцевъ и 300 македонскихъ всадниковъ и вырѣзалъ ихъ всѣхъ до одного.

Столица Согдовъ, Мараканда, имѣла 70 стадій въ окружности; цитадель города не была окружена отдѣльной стѣной [3]), что, вѣроятно и способствовало такому легкому занятію города Александромъ Македонскимъ.

Здѣсь, въ Согдіанѣ, великому греческому завоевателю пришлось прожить болѣе или менѣе долгое время. То онъ ходилъ изъ этого города на Скифовъ, то на возмутившихся противъ него Бактрійцевъ; а то дѣлалъ и увеселительныя прогулки, напримѣръ, въ страну Базарія, въ лѣсахъ который онъ собственноручно убилъ льва [4]). Послѣднее обстоятельство очень важно: значитъ, въ прежнее время въ этихъ странахъ водились львы. Теперь же не только въ Согдіанѣ, т. е. въ Зеравшанской долинѣ, но и въ долинѣ Аму (Окса) совсѣмъ нѣтъ львовъ [5]). —Здѣсь же въ этой долинѣ и, можетъ быть, въ стѣнахъ Ма-

---

[1]) Quintus Curcius, Opera completa, lib. VII, cap. X. Сравн. у Арріана, Ἀλεξάνδρου ἀνάβασις, βιβλ. 4. κεφ. 6., а равно и у Страбона въ его географіи, кн. XI, гл. II, 5.

[2]) Loc, citat. lib. VII cap. VII. «silvestre iter aptum insidiis tegendis erat»; сравн. у Арріана, Ἀλεξάνδρου ἀνάβασις βιβλ. 4, κεφ. 6.

[3]) Idem, lib. VII, cap. VI.

[4]) L. cit lib. VIII, cap. I.

[5]) Между тѣмъ Муркрофтъ, описывая долину верхней Аму, говоритъ о пребываніи львовъ въ долинѣ Аму: «In the desert plain about Kounduz between this and left bank of the Oxus, deer, foxes, wolves (hogs and lions are

раканды, Александръ убилъ лучшаго своего друга и полководца, Клита.

Что за народъ были эти Согды—до нѣкоторый степени даетъ намъ понятіе слѣдующій разсказъ Квинта Курція.

Послѣ подавленія возмущенія Спитамена, причемъ Мараканда и его окресности были опустошены огнемъ и мечомъ Македонянъ, «къ царю были приведены 30 самыхъ знатныхъ и сильныхъ плѣнниковъ, Когда они узнали отъ переводчика, что осуждены царемъ на казнь, то начали пѣть веселыя пѣсни и выражать свою радость танцами и другими тѣлодвиженіями. Царь удивленный ихъ мужествомъ, съ которымъ они шли на смерть, велѣлъ ихъ позвать къ себѣ и спросилъ о причинѣ ихъ радости, такъ сказать, на самомъ порогѣ смерти. Согдіанцы на это отвѣтили, что если бы кто другой предалъ ихъ смерти то они были бы печальны, но что они рады умереть отъ руки столь великаго царя, побѣдителя всѣхъ народовъ» [1]).—Александръ, тронутый такимъ благородствомъ духа своихъ враговъ, простилъ ихъ и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ въ нихъ преданнѣйшихъ воиновъ для своего войска.

Не то говоритъ о нихъ Страбонъ. По его словамъ, Согдіанцы, равно какъ и Бактріанцы, «мало чѣмъ отличались отъ номадовъ по образу жизни и по нравамъ; Онексиритъ разсказываетъ о нихъ много далеко непохвальнаго; лица, сдѣлавшіяся негодными по старости или по причинѣ болѣзни, выбрасываются у нихъ живыми на съѣденіе собакамъ, нарочно для этой цѣли содержимымъ; на туземномъ языкѣ собаки эти называются погребателями» [2]).

Послѣ распаденія монархіи Александра Македонскаго Согдіана играла не послѣднюю роль въ ряду восточныхъ государствъ, образованныхъ греческими военачальниками. Иногда она составляла часть обширнаго Греко-Бактрійскаго государства [3]), а иногда была и самостоятельна [4]).

---

numerous; the latter resemble those in the vicinity of Hariana». Journey to Kaboul and Bokhara vol. II p. 430. Нечего и говоритъ, что увѣреніе Муркрофта о пребываніи львовъ въ долинѣ Аму въ настоящее время довольно странно.

[1]) Qu. Curtius. lib. VII cap. X.

[2]) Страбонъ, Географія, кн. XI гл. 11, § 3.

[3]) Тамъ же кн. 11, гл. 11. § 2.

[4]) Григорьевъ. Греко-Бактрійское царство (Изъ лекцій по каѳедрѣ Исторіи Востока).

Въ первыхъ вѣкахъ нашей эры сюда проникло ученіе Христа. Въ началѣ 6-го вѣка Самаркандъ служилъ мѣстопребываніемъ мѣстному епископу или даже митрополиту [1]).

Въ это время Согдіана съ столицею Самаркандомъ составляла отдѣльное, независимое государство. Она служила для окружающихъ ее владѣній и народовъ примѣромъ подражанія, какъ бы идеаломъ совершенства. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ государствѣ у великаго китайца, Сюань-Цаня, путешествовавшаго по центральной Азіи въ первой половинѣ 7-го столѣтія:

«Государство Sa-mo-kien (Самаркандъ) имѣетъ въ окружности отъ 1,600 до 1,700 ли.

«Оно удлинено съ востока на западъ, между тѣмъ какъ по направленію съ юга на сѣверъ сжато.

«Столица имѣетъ около 20 ли въ окружности. Государство это защищено (отъ непріятельскаго вторженія) естественными препятствіями и обладаетъ значительнымъ народонаселеніемъ. Въ немъ сосредоточена очень богатая торговля съ сосѣдними странами. Почва жирна и плодородна и даетъ обильныя жатвы. Лѣса представляютъ роскошную растительность. Цвѣтовъ и плодовъ великое изобиліе. Страна производитъ большое количество великолѣпныхъ коней. Ея жители отличаются отъ сосѣдей большею ловкостью въ искусствахъ и ремеслахъ. Климатъ пріятный и умѣренный; нравы жителей отличаются энергіей и смѣлостью. Сосѣдніе и даже отдаленные народы подражаютъ имъ въ томъ, что касается морали и благонравія. Царь исполненъ мужества и сосѣдніе народы повинуются его повелѣніямъ. Онъ имѣетъ сильную армію и многочисленную кавалерію. Солдаты очень храбры и встрѣчаютъ смерть съ радостью. На полѣ битвы противъ нихъ никто не можетъ устоять» [2]).

Изъ приведеннаго отрывка, читатель не можетъ не замѣтить, что моральный обликъ Согдіанцевъ, или въ данное время уже самарканд-цевъ, остался тотъ же, что и во времена Александра Македонскаго,

---

[1]) Jule's Geography of the valley of the Oxus (Wood's Journey to the source of the Oxus) pag. XXVIII.

[2]) Stanislas Julien, Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen Thsang, vol I p. 18.

если принять во вниманіе свидѣтельство Квинта Курція. Сюань-Цань особенно настойчиво указываетъ на смѣлость и храбрость, какъ преобладающія черты характера жителей Самарканда. Изъ показаній болѣе позднихъ путешественниковъ мы увидимъ, что эти качества еще въ продолженіи долгаго времени не оставляли жителей роскошной долины Зеравшана.

Въ началѣ 8-го столѣтія арабы вторгнулись въ цвѣтущую долину Зеравшана и вскорѣ вся Трансоксіана подпала подъ власть Калифа. Самаркандъ не избѣжалъ общей участи, хотя занятіе его и не дешево обошлось завоевателямъ. Онъ былъ разграбленъ мусульманами въ 708 г. Христіанство, сильно развившееся было къ этому времени въ Трансоксіанѣ, конечно, съ пришествіемъ магометанъ подверглось сильному гоненію. Несмотря, однако, на всѣ средства насилія, какія пускали въ ходъ фанатическіе послѣдователи Магомета, христіанство стойко держалось здѣсь еще въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Этому, кажется, до нѣкоторой степени способствовало разумное, исполненное вѣротерпимости, правленіе Саманидовъ. Время ихъ было временемъ наивысшаго процвѣтанія Самарканда. Изящныя постройки украшали городъ; роскошь и богатство царили на его обширныхъ базарахъ. Мусульманскіе географы и путешественники 10, 11 и 12 столѣтій согласнымъ хоромъ поютъ хвалебный гимнъ въ честь гор. Самарканда. Такъ напр., у одного изъ старѣйшихъ арабскихъ географовъ, Ибнъ-Хаукала, мы находимъ слѣдующее описаніе города и страны.

«Самаркандъ—столица Согда; онъ расположенъ на сѣверномъ берегу рѣки Согда. Городъ имѣетъ цитадель, предмѣстья и укрѣпленія съ 4 воротами: восточныя называются китайскими; западныя—ворота Нубехаръ или ворота источника; сѣверныя — ворота Бухарскія; а южныя—Шахрисябскія» [1]).

Авторъ очень хвалитъ постройки Самарканда, дворцы, сады, загородныя дачи.

«Самаркандъ», говоритъ онъ далѣе,—«великое перепутье по направленію въ Маверанняхръ. Мѣстопребываніе правителя страны

---

[1]) Oriental geography p. 252.

было прежде въ этомъ городѣ, покуда Измаилъ-Бинъ-Ахмедъ не перенесъ его въ Бухару» [1]).

Отдавши должную дань вниманія производительности страны, Ибнъ-Хаукалъ съ особенною любовію распространяется о жителяхъ Маверанняхра и, въ частности, Согда (т. е. Зеравшана). Вотъ какъ онъ рисуетъ моральный обликъ современнаго ему самаркандца.

«Благородство и щедрость такъ свойственны жителямъ, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы не исполнялъ обычаевъ гостепріимства. Если посторонній человѣкъ будетъ разсматривать ихъ съ этой стороны, то онъ можетъ подумать, что всѣ семейства страны составляютъ одну общую семью, одинъ домъ. Когда приходитъ къ нимъ путешественникъ, то каждый изъ жителей старается пригласить его къ себѣ; чтобы имѣть возможность предложить любезныя услуги страннику—что составляетъ лучшее доказательство ихъ благородства—всякій житель, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, непремѣнно отдѣляетъ часть своего помѣщенія для пріема подобнаго гостя. По прибытіи странника, они вступаютъ въ споръ о томъ, кому изъ нихъ должна выпасть честь оказать услуги чужестранцу и ввести его въ свой домъ. Такимъ образомъ они расходуютъ свои доходы на дѣла гостепріимства. Однажды мнѣ случилось быть въ Согдѣ, и я тамъ увидалъ большое зданіе, настоящій дворецъ, двери котораго были настежь отворены и прибиты къ стѣнамъ гвоздями. Я спросилъ о причинѣ подобнаго явленія и мнѣ отвѣтили, что прошло уже болѣе ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ двери были открыты и до сихъ поръ они остаются открытыми день и ночь: странники могутъ приходить въ домъ во всякое время въ какомъ угодно числѣ—и хозяинъ этого дома снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ, какъ людей, такъ и ихъ животныхъ; и онъ кажется очень довольнымъ и веселымъ, если гости проживутъ у него нѣкоторое время. Нигдѣ въ другихъ странахъ я не видалъ ничего подобнаго. Напротивъ, владѣтели и богатые люди другихъ странъ тратятъ свои богатства на личныхъ своихъ любимцевъ, или на удовлетвореніе грубыхъ чувственныхъ потребностей» [2]).

Въ половинѣ 12-го стол. Самаркандъ былъ все такимъ же бле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 251.

[2]) Тамъ же, стр. 234—5.

стящимъ городомъ, какъ и во времена Ибнъ-Хаукала, хотя перенесеніе столицы въ Бухару и не могло не отразиться на немъ довольно неблагопріятно. Эдризи, арабскій географъ даннаго времени, такъ описываетъ этотъ городъ.

«Самаркандъ—великій и прекрасный городъ, расположенный къ югу отъ рѣки Согда; онъ представляетъ собой главный городъ провинціи Согдъ. Улицы и общественныя площади въ немъ очень широки, строенія очень высоки, равно какъ базары и бани. Городъ опоясанъ земляным валомъ и рвомъ. Цитадель очень крѣпка и красива. Въ городѣ масса домовъ и дворцовъ; мало домовъ, даже и не особенно хорошихъ, которые не были бы снабжены садами, виноградниками и фонтанами» [1]).

Эдризи говоритъ далѣе, что Самаркандъ въ его время, не смотря на столь блестящее состояніе, представлялъ только тѣнь того, чѣмъ онъ былъ прежде [2]).

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ взятъ Чингисъ-ханомъ (въ 1221 г. по Р. Хр.).

Несмотря, однако, на страшное опустошеніе степныхъ варваровъ, которые, какъ говоритъ сложившаяся потомъ персидская поговорка, «пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли» [3]),— Самаркандъ скоро оправился отъ погрома настолько хорошо, что Марко Поло, бывшій здѣсь во второй половинѣ 13-го столѣтія, говоритъ о немъ слѣдующее:

«Самаркандъ—великолѣпный городъ, украшенный чудными садами... Онъ окруженъ равниной, производящей всевозможные плоды. Въ этомъ городѣ живутъ христіане и сарацины» [4]).

Послѣднее замѣчаніе очень важно. Значитъ, въ Самаркандѣ въ данное время христіанъ было такъ много, что нельзя было не обратить на нихъ вниманія. Марко Поло говоритъ о нихъ также какъ и о сарацинахъ (т. е. мусульманахъ).

---

[1]) Géographie d'Edrisi, trad. par Amedée Jaubert, vol II, 197—8.

[2]) Тамъ же, стр. 198.

[3]) «Амедендъ у кендендъ у сухдендъ у куштендъ у бурдендъ у рефтендъ». Вамбери, Трансоксанія, т. I стр. 144.

[4]) Марко Поло. Путешеств. по Татаріи. Спб. 1873 г. гл. XXXIX. стр. 48.

«125 лѣтъ тому назадъ», продолжаетъ Марко Поло, «въ Самаркандѣ была построена церковь, посвящен. св. Іоанну Крестителю. Правитель города, ханъ Цагатай, принялъ христіанскую вѣру» [1]).

Несмотря на такую, повидимому, успѣшную борьбу христіанства съ мусульманствомъ, несмотря на поддержку монгольскихъ князей, оно въ скоромъ времени было совсѣмъ искоренено въ Трансоксаніи.

Въ наступившую потомъ эпоху внутреннихъ раздоровъ и междоусобій, которые вели между собой Чингизиды, Самаркандъ запустѣвалъ и падалъ все болѣе и болѣе. Теперь онъ былъ замѣчателенъ только одними своими развалинами, напоминавшими о существовавшемъ когда-то его величіи, да развѣ еще расплодившейся массой мусульманскихъ святыхъ. Мусульманская схоластика и мусульманскій піэтизмъ въ это время еще впервые запустили наиболѣе прочно свои корни въ умственный и моральный міръ потомковъ древнихъ Согдовъ. Эти чужеядныя растенія потомъ такъ овладѣли привлекательнымъ деревомъ древне-иранской культуры, и такъ жадно высасывали его соки, что отъ него остался одинъ только остовъ.

Знаменитый тангерецъ, Ибнъ-Батута, посѣтившій Самаркандъ въ первой половинѣ 14-го столѣтія, приводитъ длинный списокъ мусульманскихъ святыхъ и святынь, которыми Самаркандъ уже успѣлъ прославиться по всей Средней Азіи. Прославляя магометанство, какъ и подобаетъ истинному сыну ислама, этотъ путешественникъ очень живо рисуетъ картину запустѣнія Самарканда. Я привожу здѣсь отрывокъ изъ его описанія.

«Когда я простился съ султаномъ Термаширином (въ г. Бухарѣ), я направился въ гор. Самаркандъ, одинъ изъ самыхъ великихъ, прекрасныхъ и великолѣпныхъ городовъ въ мірѣ. Онъ построенъ на берегахъ рѣки валяльщиковъ и покрытъ сѣтью водяныхъ каналовъ, орошающихъ его сады. Жители города каждый день, послѣ молитвы, въ 4 ч. дня, собираются на берегъ рѣки для развлеченія и прогулки. Здѣсь устроены эстрады для сидѣнья и лавки, гдѣ продаютъ фрукты и другія пищевыя вещества. Здѣсь же, на берегу рѣки, прежде находились обширные дворцы и памятники, свидѣтельствующіе о высокой образованности жителей гор. Самарканда. Большая часть этихъ зда-

[1]) Тамъ же, стр. 48.

ній въ настоящее время представляетъ изъ себя однѣ развалины; значительная часть города также опустошена. Въ городѣ нѣтъ ни стѣнъ, ни воротъ. Сады расположены внутри (?) города. Жители Самарканда обладаютъ благороднымъ характеромъ и любовью къ иностранцамъ; по своимъ душевнымъ качествамъ они стоятъ гораздо выше жителей Бухары» [1]).

Нужно замѣтить, что Бухара въ это время уже носила титулъ «Бухара-и-Шерифъ»—священная Бухара.—Религіозное ханжество—все равно какая бы ни была религія—всегда идетъ рука объ руку съ обскурантизмомъ и приниженіемъ душевныхъ качествъ человѣка. Ибнъ-Батута хотя и былъ самъ ревностный мусульманинъ, но оказался настолько безпристрастнымъ, что не уклонился отъ невыгоднаго сравненія «столповъ мусульманства», жителей «священной Бухары» съ жителями Самарканда.

Вскорѣ Самаркандъ былъ выведенъ изъ того забытья, той спячки, въ которую погрузился было во время управленія краемъ Чингизидовъ. Хромой завоеватель Азіи, Тамерланъ, выбралъ его своею столицею. И снова улицы города наполнились шумомъ многолюднаго, дѣятельнаго населенія, базары и рынки снова завалены были товарами, привозившимися сюда со всѣхъ концовъ міра. Площади его украсились величественными зданіями, а среднеазіатское или, вѣрнѣе, обще-азіатское зодчество пріютилось въ роскошныхъ загородныхъ садахъ и виллахъ царственной фамиліи. Цѣною гибели городовъ чуть-ли не половины Азіи, цѣною цѣлыхъ потоковъ крови, проливаемой выходцемъ изъ «Зеленаго Города» (Шехръ-Себзъ) на пространствѣ отъ Яксарта до Ганга и отъ Памира до Босфора,—Самаркандъ богатѣлъ, ширился и сталъ едва-ли не величайшимъ городомъ тогдашней Азіи.

Клавихо, посолъ испанскаго короля, Генриха III, бывшій въ Самаркандѣ въ 1404 году, подробно описываетъ всѣ чудеса столицы потрясателя Азіи. На каждомъ шагу онъ долженъ былъ удивляться несмѣтнымъ богатствамъ, свезеннымъ въ Самаркандъ со всѣхъ концовъ Азіи.

---

[1]) Voyages d'Ibn Batoutah, traduits par Défrémery et d-r Sanguinetti, vol. III, pp. 51—52.

Время Тимура было временемъ возрожденія для Самарканда не только внѣшняго блеска и могущества, но и возрожденія духовныхъ потребностей народа. Цѣлая плеяда талантливыхъ поэтовъ воспѣла въ стихахъ и прозѣ дѣянія великаго монарха. За поэтами не замедлили явиться и ученые. Знаменитые труды державнаго астронома, Улугъ-Бега-Мирзы, еще и въ настоящее время не утратили своего значенія.—Да, время Тимуридовъ было для Самарканда блестящей эпохой, къ сожалѣнію очень краткой! Едва прошло столѣтіе со времени основанія могущественной монархіи, какъ дикіе варвары, предводимые смѣлымъ наѣзникомъ, ханомъ Шейбани, снова нахлынули съ сѣвера въ цвѣтущую долину Зеравшана. Великолѣпныя загородныя виллы, дворцы, величественныя мечети, медрессе подверглись разрушенію—и «мерзость запустѣнія» снова овладѣла городомъ и свила себѣ въ немъ прочное гнѣздо.

Тщетно старался защитить родной городъ благородный Баберъ-Мирза, послѣдняя отрасль великаго Тимура; тщетно напрягалъ онъ всѣ свои силы для отпора грубыхъ грозныхъ всадниковъ, «опиравшихся на деревянныя стремена»—изнѣженные роскошью жители вѣчнаго города не въ силахъ были справиться съ врагами...

Съ тѣхъ поръ Самаркандъ пошелъ crescendo подъ гору, къ упадку. Даже выдающійся Шейбанидъ, Абдулла-ханъ, не могъ удержать этого паденія. Надменные и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне невѣжественные правители Бухары послѣдующихъ двухъ столѣтій еще болѣе способствовали полнѣйшему упадку прежняго величія города. Онъ снизошелъ на степень второстепеннаго города Бухарскаго ханства и, кажется, даже забылъ о своемъ прежнемъ величіи. Онъ уснулъ было мертвымъ сномъ узкой религіозной обрядности.

Въ 1868 г. оковы этой смерти разбиты были русскими штыками—и городъ можетъ вспомнить, осуществить и еще болѣе развить свое прошедшее славное, идя рука объ руку съ законностью и свѣтомъ западной науки, которыя внесли съ собой русскіе.

Я считаю не лишнимъ привести здѣсь описаніе Зеравшанской долины, равно какъ и наиболѣе знаменитыхъ зданій и построекъ Тимуридовъ въ Самаркандѣ, такъ, какъ это изложено въ мемуарахъ султана Бабера [1]).

[1]) Mémoires de Baber, traduits par Pavet de Courteille. Paris. 1871 г.

«Мало мѣстъ въ мірѣ, которыя можно было бы сравнить съ Самаркандомъ»—такъ начинаетъ Баберъ описаніе этого города, «онъ находится въ поясѣ пятаго климата [1]), и основанъ Александромъ; турки и монголы называли его Симеркентъ... Я приказалъ измѣрить окружность стѣны города; длина ея оказалась 10,600 шаговъ [2])... Кругомъ города находятся прелестные луга [3]).

«Рѣка (Кёгикъ), при своей значительной величинѣ, едва удовлетворяетъ потребностямъ населенія долины въ водѣ для орошенія посѣвовъ. Лѣтомъ, въ продолженіи 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, вода въ рѣкѣ не доходитъ до г. Бухары. Виноградъ, дыни, яблоки, гранаты и, проще сказать, всѣ фрукты здѣсь превосходны и произрастаютъ въ огромномъ количествѣ, особенно хороши яблоки и «сагиби» (видъ винограда). Въ Самаркандѣ очень холодно [4]), хотя снѣга падаетъ здѣсь не столь много, какъ въ Кабулѣ.

«Въ предмѣстьяхъ Самарканда находится много построекъ и садовъ, устроенныхъ Тимуръ-Бегомъ и Улугъ-Бегъ-Мирзою. Первый построилъ слѣдующія:

1) Кёкъ-Серай — обширный кіоскъ, великолѣпный, очень высокій...

2) Мечеть изъ камня (вблизи Желѣзныхъ воротъ, въ цитадели города), сооруженіе которой произведено камнетесами, приведенными изъ Индостана. Надпись, находящаяся на лицевой сторонѣ зданія и содержащая цѣлый стихъ «и тогда Ибрагимъ воздвигъ основанія»—выложена (изъ камней) буквами такой величины, что ее можно читать на разстояніи одного или двухъ куруховъ [5]). Это—монументальное зданіе.

3) Въ саду «багъ-и-диль-куша» (садъ, восхищающій сердце)

---

[1]) Извѣстно, что арабскіе географы раздѣляли населенную часть на семь климатовъ, при чемъ 1 климатъ по ихъ мнѣнію начинался подъ 12° сѣв. широты, а послѣдній (7) подъ 50° широты.

[2]) Baber, l. cit, vol 1, стр. 96.

[3]) Тамъ же, стр. 103.

[4]) Это заявленіе знаменитаго султана очень странно. Вотъ средняя t° Самарканда за 10 лѣтній періодъ, со времени занятія края русскими: средняя t° года +15,4°C., зимы +3,3°, весны +16,4°, лѣта +27,5°, осени +14,1°. Самый холодный мѣсяцъ, февраль, имѣетъ среднюю t° +1,6° C.

[5]) Курухъ=4,000 шаговъ (почти 1 французская миля (lieu).

воздвигнутъ великолѣпный кіоскъ, въ которомъ находятся картины, изображающія походъ Тимура въ Индію. Отъ этого кіоска до бирюзовыхъ (?) воротъ насажена была аллея изъ двухъ рядовъ серебристыхъ тополей [1]).

«Между постройками, возведенными Улусъ-Бегъ-Мирзою и находящимися внутри городскихъ укрѣпленій, нужно упомянуть:

1) Медресе и монастырь. Куполъ послѣдняго зданія колоссаленъ; говорятъ, что онъ во всемъ мірѣ не имѣетъ себѣ соперника; 2) Вблизи медрессе и монастыря Улугъ-Бегъ построилъ великолѣпныя бани, называвшіяся «банями Мирзы». Бассейны выложены камнемъ всѣхъ сортовъ. Во всемъ Хоросанѣ и Самаркандѣ нѣтъ другихъ подобныхъ бань.

«Къ югу отъ медрессе тотъ же государь построилъ: 3) часовню, названную «Мееджиди-Мукатта» (узорчатая мечеть). Такое названіе зданіе получило отъ того, что его стѣны и своды были украшены рисунками въ китайскомъ вкусѣ, сдѣланными изъ артистически-подобранныхъ разноцвѣтныхъ кусковъ дерева.

«Слѣдующее замѣчательное сооруженіе Улугъ-Бега есть—4) обсерваторія, построенная у берега рѣки Кёхика, для астрономическихъ наблюденій. Именно, при помощи этой то обсерваторіи Улугъ-Бегъ и составилъ свои «гурганіанскія» таблицы, вошедшія въ употребленіе въ цѣломъ мірѣ».

Въ настоящее время отъ этихъ построекъ болѣе или менѣе сохранились только: мечеть Тимура, медрессе и монастырь Улугъ-Бега. Остальныя же постройки или представляютъ груды мусора и развалинъ, или же совершенно исчезли съ лица земли.

---

[1]) Baber., l. cit. vol. 1, 98—99.

ГЛАВА II.

Отъ Самарканда до Аму-Дарьи.

Выѣздъ изъ Самарканда.—Путь черезъ Каратюбинскій перевалъ.—Опять Алій.—Шахрисябзъ.—Встрѣча съ эмиромъ бухарскимъ.—Онъ дѣлается моимъ паціентомъ.—Изъ исторіи Шахрисябзя.—Продолженіе пути.—Моя переписка съ полк. Матвѣевымъ, возвращавшимся изъ Бадахшана.—Сочиненіе письма къ Лойнабу Чааръ-вилайета.—Переправа черезъ Аму и прибытіе въ Мазари-Шерифъ.

Дня за два до моего отъѣзда изъ Самарканда, мѣстная русская администрація послала письма беку гор. Шаара, черезъ который пролегалъ мой путь, и Лойнабу Хошь-Диль-хану. Эти письма увѣдомляли обоихъ туземныхъ начальниковъ, какъ шаарскаго бека, такъ и правителя авганскаго Туркестана, о моемъ проѣздѣ черезъ ихъ владѣнія въ Кабулъ.

Въ 5 часовъ дня, 27-го ноября, сумерки уже замѣтно спускались на землю, а бѣлесоватый туманъ постепенно завладѣвалъ низменными частями долины Зеравшана—когда длинный рядъ вьючныхъ лошадей моего походнаго обоза медленно потянулся по Абрамовскому бульвару. Скоро назади у насъ остались цитадель и русскій городъ, направо—зданіе и тѣнистый садъ Самаркандскаго Отдѣла, а налѣво—синій куполъ гробницы Тимура. На протяженіи 5—6 верстъ намъ пришлось ѣхать извилистыми, иногда очень узкими, улицами туземнаго города. Нѣсколько разъ вьюки падали, лошади упрямились, брыкались въ сторону, пугаясь почему-то первой встрѣчной арбы; вообще на пер-

выхъ порахъ пришлось порядочно повозиться съ вьючными животными.

Когда, послѣ безконечнаго числа остановокъ и перевьючиваній, мы выѣхали за черту города, то полнолицая луна уже значительно поднялась надъ горизонтомъ, освѣщая широкую и гладкую степь своимъ сильнымъ, желтоватымъ свѣтомъ. Свѣжій вѣтерокъ, тянувшій съ покрытыхъ снѣгомъ твердынь Самаркандскаго хребта, ограничивавшаго южный горизонтъ степи, придалъ значительную долю бодрости и людямъ и животнымъ. Мало по малу, съ каждымъ шагомъ впередъ, все яснѣе и яснѣе стали выдвигаться изъ голубой дымки, стѣной возвышающіяся прямо передъ нами, горы. Ярко сверкали, при лунномъ свѣтѣ, ихъ бѣлыя, покрытыя снѣгомъ, вершины.

Черезъ нѣсколько времени вѣтеръ усилился. Стало холодно. Казаки, поѣхавшіе было въ однѣхъ армячинныхъ, гимнастическихъ рубашкахъ, вскорѣ должны были облечься въ свои неизмѣнныя сѣрыя шинели. Желѣзныя стремена [1]) дали себя почувствовать всадникамъ—первыя; а потомъ холодная струя вѣтра полѣзла по широкимъ рукавамъ пальто, сквозь воротъ не плотно застегивающагося сюртука, а еще позднѣе вѣтеръ началъ непріятно щекотать и колѣна, не смотря на защищавшія ихъ чембары (кожанныя брюки, вошедшія въ обычное употребленіе въ туркестанскихъ войскахъ).

Ночлегъ былъ назначенъ мною въ дер. Кара-Тюбе [2]), находящейся верстахъ въ 30 отъ Самарканда. Не доѣзжая до станціи верстъ 10, я послалъ впередъ одного джигита, чтобы онъ приготовилъ для насъ помѣщеніе, чай, ужинъ и вообще все, что слѣдуетъ. — Во все время перехода дорога шла по открытой, степной мѣстности. Наконецъ она повернула въ ущелье, и вдали замелькали огни Кара-Тюбе. Когда я въѣхалъ въ деревню—все уже было готово, и гостепріимный караванъ-сарай принялъ насъ въ свои мрачныя объятія, показавшіяся озябшимъ путникамъ очень привѣтливыми и уютными. Было около 10

---

[1]) Я имѣлъ въ запасѣ также пару стремянъ деревянныхъ, какія обыкновенно употребляются киргизами. Я запасъ ихъ на случай переѣзда черезъ снѣжные перевалы Гинду-Куша.

[2]) Высота деревни Кара-Тюбе надъ уровн. моря 2,920 ф. (по Шварцу). Астрономическое положеніе: восточн. долг. 38° 58′ 26″, сѣв. широта 40° 5′ 17″ (по Замочникову).

часовъ ночи, и вскорѣ мы всѣ уже спали мертвымъ сномъ усталости.

На слѣдующій день надо было сдѣлать довольно длинный, трудный переходъ отъ деревни Кара-Тюбе до дер. Койнаръ, всего около 30 верстъ. Это разстояніе какъ разъ равняется ширинѣ Самаркандскаго горнаго хребта, въ данномъ меридіанѣ. Дорога идетъ черезъ перевалъ Кара-тюбинскій или Тахта-Кара-ча.

Путь пролегаетъ сначала по длинному ущелью Катта-сай, по бокамъ котораго иногда тянутся миніатюрныя поля, засѣянныя озимымъ хлѣбомъ. Изрѣдка встрѣчаются прилѣпившіяся къ отвѣсной скалѣ ущелья, или повиснувшія на обрывистомъ утесѣ, горныя селенія туземцевъ. Груды сноповъ клевера, сложенныхъ на кровляхъ домовъ, сообщали селеніямъ очень привлекательный видъ домовитости. А внизу шумитъ и бурлитъ стремительный ручей, съ изумрудно-зеленой каймой растительности, еще не скованный ледяными оковами зимы.

Но вотъ дорога стала круче, каменистѣе. Вскорѣ стали встрѣчаться и льдистыя покатости горъ. Еще выше — скалы были уже одѣты снѣжнымъ покровомъ. Послѣдняя верста пути до вершины перевала была особенно трудна. Снѣгъ былъ довольно глубокъ, но это еще куда бы ни шло. Гораздо хуже была дорога въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разлившіеся и замершіе ручьи представляли сплошное, гладкое, скользкое, ледяное зеркало. Вьючныя животныя, постоянно скользя и спотыкаясь, тяжело и медленно, шагъ за шагомъ, выигрывали пространство. Еще хорошо было, что я догадался подковать лошадей на русскія подковы. Благодаря острымъ шипамъ этихъ подковъ нога животнаго пріобрѣтала больше цѣпкости и устойчивости, чѣмъ если бы она была подкована туземными, плоскими, безъ шиповъ подковами. Несмотря на это преимущество русской подковы передъ туземною, среднеазіатцы очень туго усвоиваютъ себѣ русскій способъ ковки. Напротивъ, русскіе обыкновенно потомъ усвоиваютъ себѣ туземный способъ ковки. Это, повидимому, странное явленіе объясняется слѣдующими причинами:

1) русская ковка возможна почти исключительно въ кузницахъ, вообще горячими подковами. А это обстоятельство неудобно для средне-азіатца, такъ какъ въ степяхъ и горахъ Средней Азіи очень рѣдко можно встрѣтить кузницы. Между тѣмъ ковка туземны-

ми, плоскими, обыкновенно очень тонкими, подковами возможна и холоднымъ способомъ, при всякой обстановкѣ, даже во время пути;

2) туземныя лошади, подкованныя русскими подковами, очень скоро разбиваютея на ноги, въ чемъ я самъ убѣдился въ дальнѣйшей дорожной практикѣ.

Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ русскія подковы сослужили мнѣ добрую службу.

Во все время подъема на перевалъ шла довольно сильная снѣжная пурга, и рѣдкія арчи, вздымавшіяся по обѣимъ сторонамъ дороги, были окутаны снѣгомъ, подъ тяжестью котораго ихъ гибкія вѣтви склонялись почти до самой земли.

Но вотъ и высшая точка перевала Тахта-Кара-ча [1]). Гранитныя скалы и плиты въ безпорядкѣ нагромождены здѣсь другъ на друга. Одинъ, совершенно отдѣльно стоящій, камень невольно обращаетъ на себя вниманіе путника. Онъ такъ и просится на легенду. И дѣйствительно, народное преданіе гласитъ, что камень этотъ былъ принесенъ изъ долины никѣмъ инымъ, какъ все тѣмъ же любимцемъ среднеазіатскихъ былинъ и сказаній — Аліемъ. Вотъ и отпечатки пальцевъ святаго калифа, врѣзавшіеся въ гранитъ! Набожный мусульманинъ никогда не пройдетъ мимо него, чтобы не сотворить молитву. Ему нужды нѣтъ, что легенда не вяжется съ мѣстной геологіей. Въ долинѣ гранитныхъ пластовъ нѣтъ; тамъ главнымъ образомъ сланцы и глина; между тѣмъ камень Алія есть точная копія съ камней, лежащихъ возлѣ него, на вершинѣ перевала, въ безчисленномъ множествѣ. Нѣтъ никакого дѣла этому набожному мусульманину и до того обстоятельства, что Алій никогда не былъ въ этой мѣстности, что въ его время еще ни одинъ піонеръ мусульманства не проникалъ въ эти горы и долины.

Въ сознаніи среднеазіатца еще не зародилась, или вѣрнѣе,—погасла (?) искра сомнѣнія,—тотъ, иногда очень дешевый, скептицизмъ, которымъ такъ богатъ современный намъ западный міръ—и онъ долго еще будетъ вѣрить, въ простотѣ душевной, что камень не-

---

[1]) Абсолютная высота перевала Тахта-Кара-ча 5,180 ф., по Шварцу. Полковникъ Матвѣевъ даетъ почти ту же цифру высоты для этого перевала, именно въ 5,200 ф.

сомнѣнно принесенъ святымъ героемъ изъ долины. Для него важенъ и нуженъ только поводъ—лишній разъ вспомнить о своемъ легендарномъ героѣ.

Я остановился на вершинѣ перевала на нѣсколько минутъ. Вьючныя животныя положительно нуждались въ отдыхѣ. Снѣжная мятель вдругъ прекратилась и солнце ярко освѣтило зубчатый гребень скалъ, покрытыхъ чистѣйшимъ снѣгомъ.

Отсюда открывается великолѣпный видъ на Шахрисябскую долину. Она представляется взорамъ наблюдателя какъ-бы заливомъ безбрежнаго океана Туранской низменности, ограниченнымъ съ сѣвера Самаркандскимъ горнымъ хребтомъ, а съ юго-востока крайними западными отрогами Хиссарскаго хребта. Восточный уголъ ея замыкается массивной горной группой Хазретъ-Султана, высоко вздымающей свои сѣдыя вершины надъ окружающимъ её моремъ холмовъ. Долина была вся залита солнечнымъ свѣтомъ. Вотъ передъ вами точно на ладони виднѣются города: Китабъ и Шааръ, а восточнѣе ихъ—Якка-багъ; всѣ они окружены широкимъ поясомъ темныхъ садовъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ въ сторону отъ вершины перевала есть такой пунктъ, съ котораго заразъ видны обѣ прекрасныя долины, Зеравшанская и Шахрисябская. Можете вообразить все величіе и грандіозность представившейся вашему взору картины!

Спустившись съ перевала, мы ѣхали по глубокому ущелью, по дну котораго несется игривый потокъ, преодолѣвая на своемъ пути случайныя запруды и плотины, образованныя мѣстами изъ глыбъ обвалившихся скалъ.

Вдругъ, на одномъ изъ холмовъ, принявшихъ здѣсь уже довольно мягкія очертанія, показалась конная фигура. Фигура эта отъѣхала нѣсколько шаговъ къ намъ на встрѣчу, пристально посмотрѣла, оглянулась по сторонамъ, точно нюхая воздухъ своимъ вздернутымъ носомъ, затѣмъ круто повернула коня и стрѣлой помчалась назадъ. Развѣвавшіяся полы халата всадника вскорѣ исчезли за выступомъ ближайшаго холма. Сначала я не могъ понять, чтобы значило это явленіе.—Вскорѣ, однако, когда впереди отъ насъ, на дорогѣ показалась кучка пестро-одѣтыхъ бухарцевъ, дѣло разъяснилось.

Завидѣвъ меня, кучка эта подняла своихъ лошадей галопомъ и быстро подскакала ко мнѣ. На скаку всадники соскочили съ лошадей

и одинъ изъ нихъ, повидимому наиболѣе почетное лицо, быстро подскочилъ къ моей лошади, выкрикивая привѣтствія и протягивая руки для пожатія моихъ рукъ. Это былъ сынъ Китабскаго бека, высланный, по приказанію эмира бухарскаго, спеціально для встрѣчи и для привѣтствія «доктора-тури».

О своемъ назначеніи онъ самъ же сейчасъ и сообщилъ мнѣ, прибавивъ, что въ близь лежащей деревнѣ К о й н а р ъ уже все приготовлено для моего ночлега.

На слѣдующій день, я проѣхалъ всего 15 верстъ,—разстояніе, отдѣляющее дер. Койнаръ отъ г. Шаара. На этомъ пути приходится перейти въ бродъ довольно многоводную рѣчку Акъ-Дарью, одинъ изъ притоковъ Кашка-Дарьи. На сѣверномъ берегу рѣчки расположенъ довольно большой поселокъ, который носитъ довольно странное названіе «Урусъ-Кишлакъ»,—русская деревня. Такъ какъ въ этой деревнѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного русскаго жителя, то и приходится предположить, что здѣсь въ прежнее время, можетъ быть, жили русскіе плѣнники. Это предположеніе подтверждается до нѣкоторой степени свидѣтельствомъ Ефремова [1]), попавшаго въ плѣнъ къ киргизамъ въ концѣ прошлаго столѣтія и также влачившаго, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, цѣпи бухарскаго рабства.

Какъ бы то ни было, но теперь вся бухарская знать у глиняныхъ стѣнъ этого самаго «Уруса-Кишлака» поджидала пріѣзда «уруса-доктора»—х а к и м а - т у р и, выражаясь на среднеазіатскомъ жаргонѣ. Едва я подъѣхалъ къ этой группѣ разодѣтыхъ всадниковъ, сидѣвшихъ на горячихъ коняхъ, какъ разомъ нѣсколько ртовъ открылось для привѣтствія и нѣсколько паръ рукъ, потянулось съ сѣделъ ко мнѣ для рукопожатія. Въ знакъ особеннаго почета и уваженія, среднеазіатцы здороваются не одною рукою, а двумя. Иногда, схвативъ вашу руку, они прижимаютъ ее къ сердцу, а если дѣло идетъ о привѣтствіи лица владѣтельной фамиліи, то и ко лбу.

Я ѣхалъ окруженный съ одной стороны Шаади-бекомъ «Удайчи», а съ другой—Абдулъ-Халиль-біемъ. Первый въ настоящее время представляетъ своею особой въ бухарскомъ ханствѣ тоже, что въ на-

---

[1]) Е ф р е м о в ъ Филиппъ, «Странствованіе въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи». Изд. 3-е Казань 1811 г.

шемъ, до-петровскомъ, государствѣ было извѣстно подъ именемъ «очей и ушей государевыхъ». Здѣсь же ѣхали Дур-бин-бій, Яхши-бекъ и др. Все это лица наиболѣе приближенные къ эмиру.

У цитадели Китаба [1]) былъ выстроенъ гарнизонъ, съ оружіемъ въ рукахъ, съ развѣвающимися знаменами. Когда я подъѣхалъ къ ея воротамъ, то знамена склонились, барабаны забили дробь, и музыка заиграла. Въ отвѣтъ на такую честь, оказанную мнѣ бухарскими властями, я сошелъ съ коня и прошелъ воротами крѣпости пѣшкомъ. У самыхъ воротъ меня встрѣтилъ бекъ г. Китаба, Абдулъ-Гафаръ, инакъ. Это былъ худенькій старичекъ, лѣтъ подъ 60, съ дряхлымъ тѣломъ, но очень живыми, полными огня, глазами. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ повелъ меня въ свой пріемный покой.

Внутри крѣпости—которая, впрочемъ, напрасно носитъ такое громкое названіе, ибо стѣны ея обвалились и осыпались, а на уцѣлѣвшихъ мѣстахъ вала не видно ни одного орудія—среди гладко вымощеннаго двора, рядомъ съ большимъ водоемомъ, возвышалось довольно обширное зданіе. Въ немъ была всего одна комната, полъ которой покрытъ былъ только однимъ ковромъ во всю длину и ширину ея. Мебели—никакой; стѣны голы, но зато потолокъ, украшенный двумя миніатюрными куполами, блестѣлъ живописью въ среднеазіатскомъ вкусѣ.

За достарханомъ словоохотливый бекъ болѣе часу болталъ со мной о разныхъ вещахъ. Между прочимъ онъ разсказалъ, что эмиръ бухарскій уже довольно долго живетъ въ Шаарѣ, откуда, вѣроятно, не скоро выѣдетъ въ Бухару.

Это сообщеніе меня удивило. Обыкновенно эмиръ живетъ зимою въ г. Бухарѣ и только лѣтомъ наѣзжаетъ въ Шахрисябзъ. Что же побудило эмира измѣнить свои привычки такъ радикально? Можно было, конечно, предположить, что завязавшіяся частыя сношенія русскихъ властей съ авганскимъ правительствомъ заставили эмира такъ долго прожить въ «зеленомъ городѣ», гдѣ онъ могъ быть au courant событій и получать своевременно такъ интересовавшія его политическія новости. Къ этому нужно прибавить и то сообщеніе почтеннаго старика, что когда въ Шаарѣ было получено письмо отъ самарканд-

[1]) Высота Китаба надъ уровн. моря 1,800 ф., по Шварцу.

скихъ властей о моемъ проѣздѣ по бухарскимъ владѣніямъ, то эмиръ находился въ сосѣднемъ городѣ, Чиракчи. Получивши это извѣстіе, эмиръ переѣхалъ обратно въ Шааръ, и тотчасъ же распорядился относительно той пышной встрѣчи, которой я былъ удостоенъ и которой совсѣмъ не ожидалъ. Отправляясь изъ Самарканда, я намѣренъ былъ какъ можно быстрѣе и скромнѣе проѣхать по бухарскимъ владѣніямъ. Но теперь, очевидно, надо было оставить въ сторонѣ излишнюю скромность и простоту. Необходимо было сдѣлать визитъ повелителю Бухары.

Тщедушный китабскій бекъ усердно уговаривалъ меня остаться ночевать подъ его гостепріимнымъ кровомъ. Но до Шаара было всего 8 верстъ и я, послѣ небольшаго отдыха, снова отправился въ путь.

Дорога отъ Китаба до Шаара пролегаетъ сплошными садами, прерывающимися иногда только для того, чтобы дать мѣсто табачнымъ и хлопчатнымъ полямъ. Но этотъ садъ былъ теперь ужь не таковъ, какимъ я его видѣлъ въ августѣ этого же года, возвращаясь съ ген. Столѣтовымъ изъ Кабула. Тогда онъ зеленѣлъ подобно темному дремучему лѣсу; теперь же, лишенный своего лиственнаго, кружевнаго убора, онъ выглядѣлъ мрачнымъ, угрюмымъ. Легкій, пріятный шелестъ вѣтвей его смѣнился теперь непріятнымъ, глухимъ шумомъ, а при болѣе сильномъ дуновеніи вѣтра шумъ этотъ переходилъ въ рѣзкій скрипъ и свистъ, точно этотъ садъ-лѣсъ стоналъ, оплакивая прошедшее лѣто. Поля также оголились. Только одно солнце было неизмѣнно то же—ясное, улыбающееся, точно заботливая мать, привѣтливо смотрящее и нѣжно согрѣвающее какъ будто чѣмъ-то опечаленную землю. Розовые и золотистые тоны солнечнаго свѣта и теперь, какъ и въ августѣ, также ярко переливались на вершинахъ горныхъ громадъ и отражались отъ ихъ бѣлоснѣжной одежды...

Моя поѣздка имѣла видъ тріумфальнаго шествія. Въ хвостѣ моей кавалькады находилась масса всадниковъ, споривщихъ другъ съ другомъ красотой коней и пестротой одежды. По дорогѣ тамъ и сямъ стояли толпы туземцевъ, наслаждавшихся даровымъ зрѣлищемъ. Кучка казаковъ въ попахахъ, съ «берданками» черезъ плечо, особенно интересовала ихъ. Вѣдь это тѣ страшные «урусъ-казаки», которые еще такъ недавно были ихъ храбрыми, но въ то же время и великодушными врагами.

Во время пути опять пришлось намъ нѣсколько разъ переѣхать вбродъ черезъ развѣтвленія Кашка-Дарьи.

Но вотъ завидѣлась и крѣпость г. Шаара [1])—колыбель міроваго завоевателя, Тамерлана.

Я въѣзжаю въ ворота, миную нѣсколько кварталовъ; направо остается мечеть, нѣкогда вѣроятно блиставшая своимъ великолѣпіемъ, а теперь напоминающая о своемъ прежнемъ величіи лишь обваливающимися изразцами, да облѣзлымъ, большимъ, смѣло поднимающимся на значительную высоту куполомъ. На притолкахъ дверей, а также и вокругъ купола, на карнизѣ, уцѣлѣли обрывки арабской надписи.

Пришлось пройти крытымъ базаромъ—и вотъ я, наконецъ, въ своемъ помѣщеніи. Это тоже самое помѣщеніе, въ которомъ я останавливался съ ген. Столѣтовымъ въ августѣ мѣсяцѣ: таже веранда, тотъ же оросительный каналъ, тѣ же службы. Но и не все здѣсь было также и тоже. Тогда вездѣ были цвѣты, теперь ихъ нигдѣ не было. Бухарцы—плохіе цвѣтоводы; они разводятъ только однолѣтнія растенія, которыя въ данную пору года всѣ уже засохли.

30-го ноября, въ 10 часовъ дня, «удайчи» съ придворнымъ штатомъ уже ожидалъ меня у воротъ моего помѣщенія. Надо было отправиться на аудіэнцію къ властителю Бухары. Шествіе по городу до цитадели, въ которой помѣщался эмиръ, сопровождалось обычнымъ церемоніаломъ. Удайчи впереди показывалъ дорогу, а еще далѣе впереди ѣхали три всадника съ золочеными тростями въ рукахъ. На «ригистанѣ» (площади передъ воротами въ цитадель) находился большой почетный караулъ, отдавшій честь во время моего проѣзда.

Когда я проѣхалъ воротами цитадели, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза—это остатки отъ знаменитаго нѣкогда дворца Тимура, «Акъ-сарая». О его былой грандіозной красотѣ можно было, до нѣкоторой степени, судить по двумъ полуразрушеннымъ башнямъ, высоко вздымающимъ еще и теперь свои обваливающіяся вершины.

Блестящая изразцовая облицовка этихъ башень во многихъ мѣстахъ обсыпалась; граціозныя колонны, которыми украшены боковые

---

[1]) Высота Шаара надъ уровн. моря 1,800 ф. Астрономич. опредѣл: сѣверная широта—39°3′9″, восточн. долг. 36°29′19″ (по Шварцу).

ихъ фасы, облѣзли, а изящная орнаментовка, исполненная въ строгомъ арабскомъ стилѣ, находится теперь въ очень жалкомъ состояніи. Отъ гигантскаго купола, вѣнчавшаго когда то портикъ, ничего не осталось [1]). Между обѣими башнями не сохранилось даже и признаковъ портала.

Теперь глиняная стѣнка соединяетъ два разрушающіеся колосса, а въ этой стѣнкѣ пробиты незатѣйливыя ворота.

У этихъ воротъ осталась вся свита и мой казачій конвой. За ворота, во дворъ зданія, вошелъ только я съ джигитомъ-переводчикомъ, да «удайчи». Дворъ былъ обширный, гладко вымощенный жженымъ кирпичемъ и, видимо, чисто содержался; онъ замыкался обширнымъ, но совершенно простымъ по архитектурѣ, зданіемъ. Къ этому-то зданію мы и направили свой путь.

Удайчи шелъ впереди и какъ-то неувѣренно, боязливо, оглядывался по сторонамъ, точно высматривая какую либо скрытую засаду. По мѣрѣ приближенія къ крыльцу зданія онъ все болѣе и болѣе робѣлъ, поминутно зачѣмъ то кланялся впередъ, а у самыхъ дверей онъ положительно трепеталъ. Вотъ онъ подалъ мнѣ знакъ остановиться, заглянулъ въ дверь и моментально, всѣмъ тѣломъ, откинулся назадъ. Тихимъ шепотомъ онъ пригласилъ меня пройти впередъ, въ дверь. Я вмѣстѣ съ переводчикомъ вошелъ въ комнату, а «удайчи» остался за дверью.

Посреди обширной комнаты, въ простомъ креслѣ сидѣлъ эмиръ бухарскій. При моемъ приближеніи онъ всталъ, но не сдѣлалъ ни шагу на встрѣчу. Подавъ руку, онъ жестомъ пригласилъ меня занять мое мѣсто на простенькомъ табуретѣ, поставленномъ не далеко отъ кресла эмира. Мой переводчикъ молча опустился на коверъ.

Оживленная бесѣда продолжалась между мною и эмиромъ почти въ продолженіи получаса времени. На этотъ разъ эмиръ удивилъ меня своею словоохотливостью. На мои вопросы о состояніи дорогъ въ бухарскихъ владѣніяхъ онъ далъ обстоятельный отвѣтъ. Онъ при-

---

[1]) Вотъ что говоритъ объ этомъ куполѣ Баберъ-Мирза въ своихъ мемуарахъ. «Говорятъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного купола такой высоты. Предполагаютъ, что онъ превосходитъ высотой даже куполъ мечети Хозроя (находящейся къ югу отъ Багдада)» Baber l. cit. vol. I p. 106.

бавилъ также, что и въ Авганистанѣ, въ горахъ Гинду-Куша, дороги еще очень хороши и снѣгъ еще не выпалъ. Эти свѣдѣнія онъ, между прочимъ, получилъ отъ только что пришедшаго изъ Авганистана торговаго каравана. Я выразилъ опасеніе за дальнѣйшее продолженіе такой прекрасной погоды, какая тянулась уже мѣсяца два, но эмиръ успокоилъ мои опасенія, сказавъ, что по примѣтамъ ихъ старожиловъ погода обѣщаетъ быть еще въ теченіи долгаго времени такою же хорошею. Въ концѣ аудіенціи эмиръ пожаловался мнѣ на свою болѣзнь и просилъ у меня врачебнаго совѣта и помощи. Я, конечно, весьма охотно предложилъ ему свои услуги. Болѣзнь эмира оказалась гастрической лихорадкой и я, черезъ нѣсколько времени послѣ аудіенціи, послалъ ему нужныя врачебныя средства.

Послѣ аудіенціи я сдѣлалъ визитъ беку Шаарскому, Алимъ-Бегу, перваначи [1]). Это ловкій, плотный человѣкъ, среднихъ лѣтъ. Что меня удивило у него—такъ это угощеніе (достарханъ). Конечно, численностью и разнообразіемъ блюдъ и закусокъ теперь меня уже нельзя было удивить; я достаточно былъ знакомъ съ бухарскимъ гостепріимствомъ. Нѣтъ, меня удивило нѣчто другое, нѣчто такое, что пріятно пощекотало національное самолюбіе. Угощеніе было сервировано по русски. На столѣ, покрытомъ русскою скатертью, были разставлены столовые приборы—также почти исключительно русскаго издѣлія. Ножи и вилки чуть ли не «павловской» работы; фаянсъ и фарфоръ—русскихъ фабрикъ. Но еще болѣе было удивительно то, что присутствующіе на завтракѣ бухарскіе сановники весьма хорошо управлялись съ вилкой и ложкой. Интересно было смотрѣть на этихъ чистокровныхъ узбековъ, усердно работавшихъ ложками и вилками, между тѣмъ какъ, можетъ быть, полгода тому назадъ они не имѣли и понятія о другомъ способѣ ѣды, какъ цѣлой пятернею. Если я не ошибаюсь, то въ религіозномъ мусульманскомъ «Домостроѣ»—Шаріатѣ—правовѣрнымъ заповѣдано питаться не иначе, какъ рукою, т. е. 5-тью перстами.—И вотъ тѣ самые столпы благочестія, кото-

---

[1]) Перваначи—3-я степень чиновъ при дворѣ эмира бухарскаго. 1-й чинъ, канцлеръ, Кушъ-беги; второй—Диванъ-беги; 4-й Инакъ и т. д. Всѣхъ степеней чиновъ никакъ не меньше, чѣмъ у насъ. Независимо отъ чиновъ существуютъ штаты придворныхъ должностей.

рые и доставили Бухарѣ прозваніе «священной» и «благородной» въ смыслѣ чистоты соблюденія мусульманскихъ обрядовъ, эти столпы... страшно вымолвить!—насыщали себя по способу «каффировъ» (невѣрныхъ). Чѣмъ же можно объяснить такое необычайное явленіе? Да конечно только тѣмъ, что европейская цивилизація начинаетъ забираться и въ такіе укромные уголки Средней Азіи, какъ Шахрисябзь. Лѣтнее пребываніе генералъ-губернатора Туркестанскаго края въ Самаркандѣ и помѣщеніе здѣсь главной квартиры туркестанской арміи тоже не могло не повліять въ данномъ направленіи на нашихъ добродушныхъ (теперь) сосѣдей. Извѣстно, что лѣтомъ 1878 г., въ Самаркандѣ прожило довольно долго большое бухарское посольство съ тюря-джаномъ, Акрэмъ-ханомъ, бекомъ гузарскимъ, во главѣ. Они нѣсколько разъ бывали на оффиціальныхъ обѣдахъ генералъ-губернатора и слѣдовательно могли кое-чему поучиться въ «столовой», такъ сказать, практикѣ. Наконецъ, въ этотъ годъ, бухарскія владѣнія были наводнены разными русскими экспедиціями, развѣдочными экскурсіями, посольствами и т. п.

Когда я вышелъ отъ перваначи, то у крыльца стоялъ красавецъ-конь, весь черный, какъ вороново крыло. Онъ былъ въ бирюзовой уздечкѣ, подъ парчевой попоною. Это былъ подарокъ эмира «хакимутурѣ» (т. е. доктору).

Вечеромъ ко мнѣ пришло нѣсколько человѣкъ туземцевъ съ разными болѣзнями. Моя походная аптека, имѣвшая теперь значительно большіе размѣры, чѣмъ въ первую поѣздку, могла вполнѣ ихъ удовлетворить. Туземцы настолько уже привыкли ко мнѣ, что обращались даже съ венерическими болѣзнями.

На слѣдующій день, т. е. 1-го декабря, я отправился въ дальнѣйшій путь, несмотря на просьбы шаарскаго бека—погостить у нихъ нѣсколько дней. Но мнѣ надо было торопиться, надо было пользоваться прекрасной погодой. Было такъ тепло, что совсѣмъ не вѣрилось, чтобы на дворѣ былъ декабрь. Въ 1 часъ дня, въ тѣни, температура достигала + 15° С, въ 7 часовъ утра она ни разу еще не опустилась ниже + 4° С.

Я направилъ свой путь на Яръ-Тюбе, Кальта-Минаръ, Кара-Ховалъ и у «Желѣзныхъ воротъ» долженъ былъ выйти на ширабадскую дорогу. Но прежде чѣмъ я поведу читателя въ дальнѣйшій, и теперь

уже извѣстный, путь за собой, я скажу нѣсколько словъ о долинѣ «Зеленаго города», т. е. о Шахрисябзѣ.

Шахрисябзь, въ древности Кешь, даетъ свое имя не только одному городу, но и всей долинѣ по верховьямъ рѣки Кашка-Дарьи. Съ сѣвера эта долина ограничивается не очень высокимъ, но весьма круто поставленнымъ, мощнымъ Самаркандскимъ хребтомъ. Юго-восточную окраину этой территоріи составляютъ послѣдніе, по направленію къ западу, отпрыски массивнаго Гиссарскаго хребта. Такимъ образомъ вслѣдствіе перекрещиванія осей поименованныхъ горныхъ хребтовъ образуется уголъ, приблизительно въ 40°, вершина котораго замыкается вѣчно снѣжнымъ пикомъ горной группы Хазретъ-Султана. Къ западу и отчасти юго-западу разсматриваемая нами территорія ничѣмъ не ограничена и переходитъ въ арало-каспійскую низменность. Но въ административномъ отношеніи Шахрисябзкій округъ ограничивается съ этихъ сторонъ Чиракчинскимъ бекствомъ на западѣ и Гузарскимъ—на юго-западѣ. Такимъ образомъ получается площадь приблизительно въ 1.400 квадр. верстъ. Почти посреди этой площади протекаетъ довольно многоводная рѣка Кашка-Дарья, имѣющая свои главные истоки въ горной группѣ Хазретъ-Султана.

На этой площади расположены три города: Китабъ, Шааръ и Якка-багъ. Кромѣ того, множество деревень разбросано по долинѣ тамъ и сямъ. Населеніе округа простирается до 30—35 тысячъ семействъ. Такимъ образомъ видно, что мѣстность заселена довольно густо.

Преобладающей, по числу, народностью являются здѣсь узбеки, преимущественно рода Кеннегесъ. Извѣстно, что прежде, и притомъ еще въ не очень давнее время, родъ этотъ представлялъ подъ-отдѣленіе царствующаго теперь въ Бухарѣ рода Мангитъ. Политическія обстоятельства конца прошлаго столѣтія и первой половины настоящаго—сложились такимъ образомъ, что родъ Кеннегесъ совсѣмъ отдѣлился отъ рода Мангитъ и теперь находится съ нимъ въ непримиримой враждѣ.—Родъ Кеннегесъ раздѣляется на 5 колѣнъ: Кайрасалы, Тараклы, Ачамайлы, Чехутъ и Абахлы. Всѣ пять колѣнъ живутъ смѣшанно, въ городахъ и деревняхъ, и отчасти ведутъ еще ко-

чевой образъ жизни. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что въ южной части живутъ главнымъ образомъ абахлынцы; въ западной части преобладаютъ чехуты, а въ сѣверной—тараклы. Главное ихъ занятіе—земледѣліе, не исключая даже и кочующихъ (число которыхъ простирается не свыше 3.000 семействъ). Эти, послѣдніе, запахиваютъ небольшіе клочки земли, причемъ искусственнаго орошенія полей они не производятъ. Такое земледѣліе развито до нѣкоторой степени въ южныхъ частяхъ бекства.

Предметами земледѣльческой обработки здѣсь служатъ пшеница—очень высокаго качества; рисъ, славящійся во всемъ Туркестанѣ; ячмень, просо, джугара (сорго), кунжутъ, конопля, табакъ, хлопчатникъ и клеверъ (люцерна). Хлопокъ здѣсь не такъ хорошъ, какъ въ Бухарѣ, но табакъ считается лучшимъ въ Туркестанѣ и если какой можно сравнить съ нимъ, то развѣ только каршинскій.

Узбеки охотно занимаются также огородничествомъ и садоводствомъ. Въ огородахъ сѣются арбузы, дыни, тыквы, морковь, лукъ и проч. Дыни здѣшнія очень вкусны; но того же нельзя сказать объ арбузахъ. Въ садахъ разводятся какъ плодовыя, такъ и строевыя деревья; изъ плодовыхъ слѣдующія: персики, абрикосы, груши, гранаты, миндаль, грецкіе орѣхи, виноградъ, вишни, сливы и мн. другія. Здѣшній виноградъ особенно хорошъ. Здѣсь насчитываютъ до 15 сортовъ винограда. Я видѣлъ одинъ замѣчательно крупный сортъ. Какъ строевой лѣсъ въ садахъ разводятся: карагачъ, тополь, ива, джида. Въ окрестныхъ горахъ растетъ арча (древовидный кипарисъ), фисташки и др.

Урожай, какъ хлѣбовъ, такъ и плодовъ, здѣсь очень значителенъ. Пшеница родится сама 15, рисъ самъ 25—30, джугара самъ 50—100, просо самъ 200. Здѣсь собирается большое количество винограда, но онъ употребляется только per se, по причинѣ отсутствія винодѣлія. Но зато свѣжій виноградъ можно достать здѣсь въ продолженіи круглаго года. Шелководство здѣсь хотя и существуетъ, но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Вообще, это бекство представляетъ собою по преимуществу земледѣльческую мѣстность.

Кромѣ узбековъ въ области живутъ и другія народности. Прежде всего нужно сказать, конечно, о коренныхъ жителяхъ страны, таджикахъ. Число ихъ гораздо менѣе числа узбековъ. Таджики сосредото-

чены почти исключительно въ городахъ и наиболѣе значительныхъ селеніяхъ. Земледѣліе имъ также чуждо, какъ узбекамъ торговля. Таджикъ всегда торгуетъ, покупаетъ, продаетъ—вообще маклачитъ. Даже садоводство—и то находится въ пренебреженіи у таджика.

Евреевъ въ бекствѣ очень мало. Они соперничаютъ съ таджиками не только въ торговлѣ, но и въ ремеслахъ.—Здѣсь же находится небольшое число иранцевъ — печальное напоминаніе еще такъ недавно бывшаго здѣсь во всей своей силѣ рабства. Они или земледѣльцы, или ремесленники. Очень рѣдко встрѣчающіеся арабы служатъ уцѣлѣвшими представителями великой мусульманской рати, двинувшейся въ Туркестанъ въ 8 столѣтіи нашей эры. На базарахъ гор. Шаара изрѣдка можно встрѣтить типическія лица индѣйцевъ, съ краснымъ значкомъ на лбу; они всѣ непремѣнно мѣняла. Затѣмъ нужно еще упомянуть о киргизахъ, жалкихъ остаткахъ когда-то великой «Уртаюзъ» (Средней орды). Они кочуютъ въ южныхъ частяхъ округа.

Торговля Шахрисябза, какъ я уже замѣтилъ, находится главнымъ образомъ въ рукахъ таджиковъ и евреевъ. Она, какъ и слѣдовало ожидать, не очень развита. Вывозъ естественныхъ произведеній изъ области состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣба разныхъ сортовъ: риса, пшеницы, фруктовъ. Скотъ также составляетъ предметъ вывоза. Сюда ввозятся: чай, сахаръ, сукна, бухарскія и русскія матеріи, шелкъ, краски, мѣдь, сѣра. Торговля ведется съ Бухарой и Самаркандомъ; съ долиной Аму торговыя сношенія мало развиты.

Благородные металлы также доставляются изъ Бухары; но монета еще не такъ давно чеканилась въ Шахрисябзѣ своя. Теперь она все еще обращается въ торговлѣ подъ именемъ кокановъ и тиллей шаарскихъ, но, конечно, уже вновь здѣсь не выбивается.

Животное царство имѣетъ здѣсь тѣхъ же представителей, какъ и во всемъ остальномъ Туркестанѣ. Въ горахъ водятся медвѣди, волки, лисицы, куницы, кабаны и тигры.

Климатъ долины очень мягкій. Несмотря на то, что отъ Зеравшанской долины Шахрисябзъ отдѣляется всего разстояніемъ въ нѣсколько часовъ пути, тѣмъ не менѣе разница въ климатахъ обѣихъ долинъ довольно значительна. Безъ сомнѣнія это явленіе обусловливается тѣмъ, что съ сѣвера Шахрисябзъ закрытъ Самаркандскимъ хребтомъ, вслѣдствіе чего сѣверные, холодные вѣтры сюда совсѣмъ

не достигаютъ. Кромѣ того, долина эта нѣсколько ниже опущена, чѣмъ долина Зеравшана. Возьмемъ для сравненія нѣкоторые общіе пункты. Наприм. Самаркандъ находится на высотѣ 2.150 ф., между тѣмъ какъ Шааръ всего на высотѣ 1.800 ф., Катта-Курганъ—1.370ф., между тѣмъ какъ Карши—820 ф. Конечно разница въ высотахъ небольшая, но въ связи съ защищающимъ горнымъ барьеромъ, она играетъ немаловажную роль въ общемъ характерѣ климата. Въ Шахрисябзѣ зимы почти совсѣмъ не бываетъ. Періодъ дождей—январь и февраль. Въ февралѣ уже цвѣтутъ плодовыя деревья. Въ это время сады Шахризябся покрываются такой великолѣпной листвой, а крыши домовъ—такими разнообразными цвѣтами, что это-то обстоятельство и дало поводъ назвать городъ Шехри-себзъ, т. е. зеленѣющій, цвѣтущій городъ [1]). Въ продолженіи лѣта здѣсь собирается двѣ жатвы; клеверъ косится 5—6 разъ.

Несмотря на свой небольшой объемъ, шахрисябскій оазисъ имѣетъ свою собственную исторію и притомъ—исторію иногда блестящую, имѣвшую очень большое вліяніе едва-ли не на весь мусульманскій міръ.

Преданіе приписываетъ основаніе гор. Шахрисябзя персидскому царю Дарію Гистаспу [2]). Есть данныя, что Александръ Македонскій проходилъ Шахрисябземъ.

Первыя по времени, извѣстныя въ настоящее время, наиболѣе точныя географическія свѣдѣнія объ этой странѣ сообщаетъ намъ все тотъ же китаецъ Сюань-Цань, къ которому мы и прежде уже неоднократно обращались за историческими показаніями. Онъ проходилъ этою мѣстностью, направляясь изъ Самарканда къ «Желѣзнымъ воротамъ». «Kie-choang-na», (Кешь), какъ онъ называетъ Шахрисябзь, походилъ во всемъ на сосѣднее съ нимъ государство Sa-mo-kien (Самаркандъ) [3]).

---

[1]) Вотъ что мы читаемъ о Шахрисябзѣ у Бабера: «...Au printemps la campagne, la ville, tous les toits se parent de couleurs verdoyants, ce qui a fait donner à Kesh le surnom de Chehr-i-Sebz (la ville verte). Mémoires de Baber vol I. p. 106.

[2]) Mirkhond, «History of the early kings of Percia», transl. by Shea, стр. 333.

[3]) Mémoires sur ler contrées occidentales, vol. I, p. 22.

Въ концѣ 7-го столѣтія нашей эры Шахрисябзь былъ завоеванъ арабами. Онъ сдѣлался вскорѣ надежнымъ оплотомъ мусульманства. Но черезъ 100, приблизительно, лѣтъ онъ далъ убѣжище въ своихъ стѣнахъ знаменитому среднеазіатскому лжепророку Моканнѣ. Гашимъ бинъ Гекимъ, какъ онъ назывался до того времени, пока не сдѣлался пророкомъ, объявилъ мусульманству войну не на животъ—на смерть. Въ короткое время число его прозелитовъ значительно возросло. Вездѣ читалось разосланное имъ окружное посланіе о его высшемъ призваніи. «Во имя милосерднаго и всемилостиваго Бога», писалъ новообъявленный пророкъ, «я, Гашимъ, сынъ Гекима, владыка всѣхъ владыкъ. Да прославится Богъ единый, который открывалъ себя прежде въ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Христѣ, Магомедѣ, Эбу Муслимѣ. Теперь я, Моканна—владыка власти, блеска и истины. Собирайтесь вокругъ меня и знайте, что всемірное господство, слава и всемогущество—мои. Кромѣ меня, нѣтъ другаго Бога. Кто идетъ со мной, тотъ придетъ въ рай; кто бѣжитъ меня, тотъ падетъ въ адъ» [1]).

Бухара, Самаркандъ, Нахшебъ (Карши) вскорѣ насчитывали въ себѣ десятки тысячъ приверженцевъ новообъявленнаго бога, сидѣвшаго въ крѣпкой крѣпости на горѣ Самъ, въ Шахрисябзѣ. Багдадскіе калифы увидали, что распространеніе новой секты грозитъ совсѣмъ вытѣснить изъ Средней Азіи только что насажденное огнемъ и мечемъ мусульманство. Поэтому хорасанскій намѣстникъ калифа, дѣятельный Му'ацъ-бинъ Муслимъ, принялъ рѣшительныя мѣры для подавленія религіознаго мятежа. Разбивъ въ открытыхъ сраженіяхъ сефидджамегіановъ (такъ назывались послѣдователи Моканны по причинѣ ношенія бѣлой одежды), вскорѣ онъ осадилъ и крѣпость Самъ. Въ то время когда послѣдователи новаго пророка проливали за него кровь, самъ онъ, затворившись въ своемъ дворцѣ; велъ болѣе чѣмъ соблазнительную жизнь. Въ его гаремѣ было до трехсотъ самыхъ красивыхъ женщинъ, несмотря на то что онъ былъ такъ безобразенъ, что принужденъ былъ постоянно носить на своемъ лицѣ покрывало (отчего и получилъ имя Моканна — скрытый подъ покрываломъ). Въ его дворцѣ не было совсѣмъ мужской прислуги. День и

---

[1]) Вамбери. Трансоксанія. Т. I стр. 47, русск. пер. 1873 г.

ночь онъ проводилъ въ чудовищныхъ оргіяхъ. Понятно, что такой образъ жизни новоявленнаго пророка не могъ не сдѣлаться общеизвѣстнымъ и не повліять на уменьшеніе его приверженцевъ. Въ одинъ изъ приступовъ Му'ацъ бинъ Муслимъ овладѣлъ наружной стѣной крѣпости Самъ. Тогда Моканна вѣроятно усумнился въ своихъ божескихъ свойствахъ и покончилъ жизнь двойнымъ злодѣяніемъ. Передъ своимъ самоубійствомъ—самосожженіемъ [1])—онъ отравилъ всѣхъ своихъ женъ. Преданіе, впрочемъ, говоритъ, что одна жена избавилась отъ смерти, не выпивъ ядовитый напитокъ; она потомъ будтобы и разсказала о послѣднихъ дняхъ жизни пророка.—Новая секта со смертью Моканны была такимъ образомъ искоренена.

Потомъ Кешь игралъ незначительную роль въ политической жизни Средней Азіи, вплоть до того времени, когда въ немъ родился Тамерланъ. Около этого времени въ Кешѣ обосновался джагатайскій родъ Берласъ. Изъ колѣна этого рода—именно Керекенъ—и произошелъ Тимуръ-Бегъ. Онъ явился на свѣтъ въ 1333 г. 5-го ша'бана, во вторникъ вечеромъ въ одномъ изъ предмѣстій Кеша [2]). Въ первое время славы и власти Тимура, Кешъ былъ его резиденціею. Въ это время этотъ городъ сдѣлался центромъ образованности мусульманскаго востока и получилъ названіе «кувветъ-уль-ильмъ в'эль эдебъ»—куполъ науки и морали. Объ архитектурныхъ памятникахъ этой эпохи я отчасти говорилъ уже выше. Потомъ, однако, когда Тимуръ завладѣлъ болѣе чѣмъ половиной Азіи—Кешь уступилъ первенство Самарканду.

Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ исторіи «Зеленаго города». До первой половины прошлаго столѣтія онъ не игралъ почти никакой роли. Споры его съ Бухарой обыкновенно рѣшались почти ничѣмъ. Только Рахимъ бій, Аталыкъ [3]), далъ почувствовать шахрисябцамъ свою власть болѣе или менѣе сильно. Шахрисябзь, пользовавшійся до этого времени нѣкоторою самостоятельностью, былъ обращенъ теперь въ провинцію Бухарскаго ханства. Ссоры, дошедшія потомъ до междоусобныхъ войнъ, возникли между Бухарой и Кешемъ изъ за воды. Каршинскій оазисъ снабжается водой изъ той же рѣки Кашка-

---

[1]) Признакъ характеристичный для извѣстнаго рода умопомѣшательства.

[2]) Вамбери; 1. 182.

[3]) Аминовъ. Краткія историческія свѣдѣнія о Шахрисябзѣ, въ Ежегодн. Туркестанск. края. в. II.

Дарьи, которая орошаетъ и Шахрисябскую долину. Шахрисябцы могли, еслибы захотѣли, даже совсѣмъ лишить каршинскій оазисъ воды, пустивъ ее на свои поля; этимъ маневромъ они потомъ и пользовались для овладѣнія гор. Карши.

Послѣ смерти Рахимъ-бія, Шахрисябзь снова поднялъ знамя возстанія. Однако онъ недолго пользовался самостоятельностію. Шахъ Мурадъ-бій, первый эмиръ бухарскаго ханства, опять подчинилъ своей власти непокорный городъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ правленіе Миръ-Гайдеръ-хана, правителемъ Шахрисябзя былъ назначенъ Даніаръ-Аталыкъ (собств. владѣтель). За услуги, оказанныя имъ бухарскому эмиру, онъ получилъ Шахрисябзь какъ бы въ ленное владѣніе. Онъ даже принялъ титулъ «валлами», т. е. государя. Подати, которыя онъ долженъ былъ платить въ казну эмира бухарскаго, ограничивались только «милькомъ» [1]).

Въ правленіе Даніара-валлами Шахрисябзь снова едва не сдѣлался выдающимся театромъ среднеазіатской мусульманской исторіи.

Одинъ дервишъ, покрытый лохмотьями, поселился въ томъ самомъ предмѣстьѣ, гдѣ родился великій Тимуръ Гуреганъ [2]). Подвиги благочестія и святой жизни, которую велъ этотъ дервишъ, вскорѣ собрали около него большую толпу учениковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ слава о немъ распространилась по всему Туркестану; къ нему приходили за благословеніемъ изъ Самарканда и даже изъ «священной» Бухары; ученики его считались тысячами. Миръ Гайдеръ, эмиръ бухарскій, скоро понялъ опасность, какая угрожала его государству въ лицѣ этого нищаго святоши, уже открыто провозглашавшаго въ то время, что онъ имѣетъ даръ божественнаго откровенія. Послѣ довольно нерѣшительнаго сраженія, которое произошло между толпою его приверженцевъ и отрядомъ бухарскихъ войскъ, высланныхъ противъ новообъявленнаго святаго,—этотъ послѣдній объявилъ, что онъ назначенъ божественнымъ промысломъ сдѣлаться всемірнымъ властелиномъ. Онъ осыпалъ щедрыми обѣщаніями своихъ приверженцевъ. Къ нему начали отовсюду стекаться вооруженные люди, нищіе, бродяги

[1]) Владѣтели на правахъ «милька» платятъ въ ханскую казну только подати за проведенную воду.

[2]) Это предмѣстье называется Мевлудъ-ханэ. Mir-Abdoul-Kerim, «Histroie de Al'sie Centrale» стр. 246.

и т. п. Онъ сдѣлался настоящимъ королемъ нищихъ. Но недолго продолжалось его нищенское царствованіе. Сильное войско, высланное противъ него эмиромъ Гайдеромъ, на голову разбило хотя и и многочисленную, но совершенно безпорядочную толпу его приверженцевъ. Самъ новообъявленный пророкъ бѣжалъ съ поля сраженія и, переодѣтый, долго блуждалъ съ одного мѣста на другое, пока не былъ проданъ однимъ изъ своихъ учениковъ бухарскому эмиру за сто тиллей (тилля—4 р. 80 к.). Неудавшійся пророкъ былъ повѣшенъ[1]).

Послѣ этого—до восшествія Насруллахъ-хана на тронъ эмировъ Трансоксаніи Шахрисябзъ пользовался спокойствіемъ и благоденствовалъ. Насруллахъ, вскорѣ по восшествіи, началъ войну противъ Шахрисябзя. Такъ какъ онъ не могъ овладѣть городомъ, защищаемымъ двумя рядами стѣнъ и 10 тыс. отличныхъ солдатъ, то принялъ другую тактику веденія войны.

Каждый годъ, лѣтомъ онъ высылалъ на поля Шахрисябзя свою конницу для истребленія хлѣбныхъ посѣвовъ. Эти опустошенія довели Шахрисябзъ до такой степени нужды и оскудѣнія и вызвали въ немъ такую доровизну жизненныхъ припасовъ, что за батманъ [2]) пшеницы платили 140 тенегъ (теньга—20 к.), а за 1 пудъ соли, платили 100 тенегъ. Отчаяніе и уныніе овладѣли жителями Шахрисябза. Сельское населеніе передалось эмиру, который въ 1856 г. и взялъ приступомъ крѣпость Китабъ. Вслѣдъ за нимъ сдался добровольно и Шааръ. Беками были назначены въ оба города Мангиты.

Со смертью Насруллаха (1860 г.) Шахрисябзъ снова отложился отъ Бухары. Это произошло вотъ по какому поводу. Новый эмиръ бухарскій Сеидъ-Мазафаръ-эд-Динъ-ханъ по вступленіи своемъ на престолъ назначилъ беками Шахрисябзя Закиръ-бека и Ашуръ-бека. Эти люди были величайшіе лихоимцы; они обложили народъ непосильными, и при томъ незаконными податями и налогами. Кратковременное управленіе этихъ бековъ было весьма тяжело для мѣстныхъ жителей. Своеволіе въ странѣ, истощенной предъидущими войнами, не знало границъ. Жители, просившіе бековъ о смягченіи по-

---

1) Mir-Abdoul-Kerim. Histoire de l'Asie Centrale p. 246—8.

2) Шахрисябскій батманъ вдвое больше бухарскаго; онъ равняется 16 пудамъ.

датей, были объявлены бунтовщиками. Вслѣдствіе этого въ странѣ началось волненіе. Вскорѣ беки были изгнаны, а новыми назначены были наиболѣе вліятельные народные старшины: въ Китабѣ—Джурабекъ, серкеръ, глава колѣна Тараклы, а въ Шаарѣ—Хакимъ-бій, глава колѣна Ачамайлы. Эмиръ бухарскій не замедлилъ пойти на нихъ войной, но ничего не могъ сдѣлать и заключилъ миръ, предоставивъ Шахрисябзю полную свободу.

Въ 1866 году опять возникла война между Бухарой и Шахрисябземъ. Поводомъ къ войнѣ послужило на этотъ разъ принятіе беками мятежнаго племянника эмира, Сеидъ-Абдулла-Ахитъ-хана. Война окончилась опять ничѣмъ, такъ какъ эмиру нужно было бороться еще и съ возмутившимися ктай-кипчаками.

Когда русскіе заняли Самаркандъ, въ 1868 г., то шахрисябцы, какъ извѣстно, посредствомъ нечаяннаго нападенія хотѣли обратно взять этотъ городъ. Однако горсть нашихъ войскъ, занимавшихъ цитадель Самарканда, отразила всѣ приступы войнолюбивыхъ горцевъ.

Осенью этого же года въ Шахрисябзь удалился возмутившійся старшій сынъ эмира, Катты-туря, Абдулъ-Меликъ-ханъ. Война между Бухарой и Шахрисябземъ снова возгорѣлась. Но она была очень несчастна для Бухары. Эмиръ очутился въ такомъ критическомъ положеніи, что рѣшился просить помощи у недавняго своего врага, Россіи. Русскіе никогда не чувствовали въ себѣ недостатка великодушія. Такъ и на этотъ разъ они пошли проливать свою кровь за совершенно чуждые намъ, бухарскіе, интересы. Шахрисябцы, овладѣвшіе подъ предводительствомъ Катты-тюря Якка-багомъ, Чиракчи, Джамомъ и даже Каршами,—съ наступленіемъ русскихъ должны были удалиться въ свой неприступный городъ.

Послѣ этого Шахрисябзь переживалъ послѣдніе дни своей мятежной свободы. Онъ былъ въ долгу передъ Россіей за 1868 г., за осаду Самарканда. Надо было возвратить ему долгъ и обезпечить южную границу Туркестанскаго округа отъ постоянныхъ волненій, питательный центръ которыхъ постоянно находится въ Шахрисябзѣ.

Въ 1870 г. подъ начальствомъ генерала Абрамова сформированъ былъ отрядъ, назначенный для занятія «зеленаго города». Отрядъ едва достигалъ цифры 2 тысячъ человѣкъ; часть его пошла въ об-

ходъ Самаркандскаго хребта, на Джамъ, а другая часть пошла черезъ Кара-тюбинскій перевалъ. Войска выступили изъ Самарканда 7-го августа, а 14-го весь Шахрисябскій оазисъ былъ уже занятъ нами. Китабъ былъ взятъ ночнымъ штурмомъ съ 13-го на 14-е августа. Дѣло было очень жаркое, что доказывается цифрою нашихъ потерь: убитыхъ было 34, раненыхъ 116. Только при взятіи крѣпости Ура-Тюбе цифра потерь въ нашихъ войскахъ была больше, чѣмъ здѣсь, именно: убитыхъ и раненыхъ было 227 [1]). Но цифра убитыхъ нашихъ солдатъ во время штурма Китаба—самая большая изъ всѣхъ сраженій, веденныхъ нами въ Средней Азіи.

15-го августа прибылъ изъ Чиракчи Тахтамышъ-бій съ 1,500 бухарской кавалеріи для принятія отъ насъ Шахрисябзя. «Зеленый городъ», омытый кровью великодушныхъ «урусовъ», возвращенъ былъ законному его владѣтелю, эмиру бухарскому.

1-го декабря я завтракалъ уже въ кишлакѣ Чимъ-Курганъ, въ 16 верстахъ отъ Шаара, а ночевалъ въ Яръ-Тюбе.

Дорога отъ г. Шаара до селенія Чимъ-Курганъ идетъ по сплошнымъ полямъ, конечно, въ данное время бывшимъ уже совершенно голыми. Въ этой мѣстности много засѣвается рису. Орошеніе такъ устроено, что вся мѣстность можетъ быть совершенно затоплена водой и сдѣлаться, вслѣдствіе этого, непроходимой. Вообще, Шааръ съ этой стороны, при такихъ условіяхъ, положительно не имѣетъ подступовъ ни для артиллеріи, ни для кавалеріи. По сторонамъ, среди черныхъ, оголенныхъ полей, виднѣлись селенія и небольшіе хутора. Они представлялись на видъ очень зажиточными. На крышахъ домовъ и хозяйственныхъ пристроекъ, возвышались кучи сложенныхъ сноповъ клевера и ячменя.

За селеніемъ Чимъ-Курганъ мѣстность становится болѣе открытою. Слегка волнистая степь, изрѣдка прорѣзываемая неглубокими балками, завладѣваетъ всѣмъ пространствомъ. Теперь стали встрѣчаться группы юртъ и юламеекъ. Кочевой элементъ населенія началъ заявлять о своемъ пребываніи здѣсь все болѣе и болѣе.

---

[1]) Костенко, «Туркестанскій Край», т. III, стр. 289, изд. 1880 г. Спб.

Я ѣхалъ въ сопровожденіи прикомандированнаго ко мнѣ шаарскимъ бекомъ караулъ-беги, съ неизмѣннымъ «мирза-баши» (туземный писецъ). Должно быть мой спутникъ былъ новичекъ въ этихъ мѣстахъ, потому что повелъ меня не по той дорогѣ, по которой нужно было ѣхать. Вскорѣ мы совсѣмъ сбились съ пути. Гладкая, ровная степь, покрытая здѣсь только волчцами (колючкой), была изборождена въ разныхъ направленіяхъ случайными тропами. Послѣ долгихъ поисковъ за дорогой, намъ наконецъ удалось найти одного киргиза, который добродушно вызвался указать ее и проводить насъ до ближайшаго селенія.

Между тѣмъ казаки отъ нечего дѣлать затянули одну изъ молодецкихъ пѣсень, сложенныхъ нашими туркестанскими богатырями по случаю разныхъ побѣдъ и походовъ.

Подъ вліяніемъ впечатлѣній послѣднихъ дней, а можетъ быть и вслѣдствіе того, что мѣстность напомнила казакамъ былые дни боевой ихъ славы—они запѣли пѣсню о послѣднемъ походѣ генер. Абрамова противъ Шахрисябзя. Пѣсня эта настолько характерна, что я считаю возможнымъ привести ее здѣсь дословно. Вотъ ея текстъ:

Въ Шахрисябзь какъ мы ходили,
Перевалъ перевалили
Очень каменистъ;
А потомъ сошли въ долину
И съ другою половиной
Отряда сошлись.
День мы лагеремъ стояли,
А начальство разъѣзжало,
Крѣпость чтобъ смотрѣть.
Шахрисябцы обозлились
И стрѣлять по немъ пустились...
Надо вѣдь умѣть!
Въ ночь велѣли собираться,
Чтобы тихо отправляться—
Подъ стѣною встать.
Мы туры съ собой забрали,
Инструменту много взяли—
Батарею рыть.

Подошли хоть мы тихонько,
Да зазвякали легонько—
Стали въ насъ палить.
Мы же имъ не отвѣчали,
Свое дѣло продолжали,—
Ядра сверхъ летятъ.
А на утро батарея,
Также цѣлая траншея,
Ужь у насъ стоятъ.
Какъ орудья подъѣзжали,
Много ядеръ въ нихъ пускали,
Только безъ вреда.
Лишь орудія вкатили,
Да гранаты къ нимъ пустили,
Ужь у нихъ бѣда.
Началася перестрѣлка
Вышла гадкая продѣлка—
Много пуль летитъ.
Только вылѣзъ изъ траншеи,
Такъ тебѣ сейчасъ иль въ шею,
Иль въ плечо влетитъ;
Въ батарею такъ и сыпятъ,
Только номера увидятъ,
Глядь—ужь и упалъ.
Только видимъ подъѣзжаетъ,
На рысяхъ къ намъ подлетаетъ,
Самъ нашъ генералъ.
Крѣпость точно загорѣлась
Дымомъ, полымемъ одѣлась—
Стрѣлять задались.
Генералъ шелъ вдоль траншеи,
Поздоровался со всѣми,
Мы всѣ поднялись...
Вотъ пришло распоряженье,
Чтобы сдѣлали движенье
Къ крѣпости въ оврагъ;

Въ насъ картечью сталъ пускать,
Пули, ядра посылать
Шахрисябецъ—врагъ.
Началася тутъ потѣха;
Много горя было, смѣху,
Какъ всегда въ бою...
Шахрисябцы не сдержали,
Шибко, шибко побѣжали
Къ лѣвой сторонѣ.
А тамъ лѣвая колонна
Взобралась тогда по склону,
Стоитъ на стѣнѣ.
Въ три часа всего, не болѣ;
Непріятель былъ весь въ полѣ,
Погонялъ коней.
Мы-жь пришли до цитадели
Отдохнуть мы тамъ присѣли
У своихъ огней.
Такъ съ Китабомъ мы кончали,
И потомъ его сдавали
Во власть Бухары.
Сами жь тотчасъ снаряжались,
Въ Самаркандъ мы возвращались,
На свои дворы.
Жалко только—среди боя
Тамъ погибли два героя:
Козловскій—одинъ,
А другой былъ всѣми чтимый,
То полковничекъ любимый,
Самъ нашъ Соковнинъ [1]).

Уже совсѣмъ стемнѣло, а окрестная степь покрылась мглистою

[1]) Редакція пѣсни какъ въ статьѣ Д. Иванова.—Сборникъ «Русскій Туркестанъ», вып. 3, 1872 г.

одеждой вечерняго тумана—когда мы прибыли въ селеніе Яръ-Тюбе. Здѣсь ужь все было готово для принятія дорогихъ гостей, «урусовъ». Пловъ дымился среди безчисленнаго количества подносовъ со всякими снѣдями—и добродушные хозяева усердно подчивали своихъ нежданныхъ гостей, недавнихъ враговъ. Sic tempora mutantur!

Яръ-Тюбе [1])—большое селеніе, въ которомъ живетъ смѣшанное населеніе. Прежде это былъ южный опорный пунктъ бухарскихъ эмировъ противъ Шахрисябзя. «Тепе», т. е. укрѣпленіе, въ настоящее время находится въ полуразрушенномъ видѣ. Когда-то высокія стѣны, теперь во многихъ мѣстахъ обвалившіяся, обнимаютъ пространство въ 400—500 кв. саж. Глубокій ровъ, окружавшій эти стѣны, теперь лишенъ воды и служитъ пріютомъ для разныхъ гадовъ и насѣкомыхъ: фалангъ, скорпіоновъ и проч. Прежде здѣсь былъ бекъ, теперь же, со времени покоренія Шахрисябзя, бекство упразднено. Селеніе, а также и окружающія его поля снабжаются водой изъ горной рѣчки Лангеръ-булакъ.

На слѣдующее утро (2-го декабря) я продолжалъ свой путь. Верстахъ въ 6—8 отъ селенія дорога входитъ въ широкое ущелье, скаты котораго по обѣимъ сторонамъ заняты пашнями. Въ началѣ Яръ-тюбинскаго ущелья отдѣляется тропинка на сѣверо-востокъ, въ гор. Якка-багъ.—Затѣмъ нашъ путь шелъ во все время перехода то по скалистымъ ущельямъ, то по вершинамъ невысокихъ горныхъ хребтовъ до самаго селенія Кальта-Минаръ [2]). Селеніе это расположено въ неглубокой и довольно широкой лощинѣ, на берегу рѣчки Катта-уру-Дарья. Здѣсь я сдѣлалъ привалъ и далъ небольшой отдыхъ верховымъ и вьючнымъ животнымъ. Ночевалъ я въ селеніи Кара-Ховалѣ [3]), сдѣлавъ такимъ образомъ дневной переходъ въ 60-тъ верстъ.

Едва я успѣлъ присѣсть къ небольшому костру, разведенному въ той комнатѣ, гдѣ я долженъ былъ ночевать, едва мои озябшіе члены начали ощущать пріятное сосѣдство веселаго пламени—какъ я долженъ былъ приняться за свои походныя письменныя принадлежности.

---

[1]) Высота Яръ-Тюбе надъ уровнемъ моря—1,510 ф., по Шварцу.

[2]) Высота селенія Кальта-Минаръ надъ уровнемъ моря—2,230 фут., по Шварцу.

[3]) Высота селенія Кара-Ховаль надъ уровнемъ моря—3,080 фут., по Шварцу.

Мѣстный сельскій старшина—«акъ-сакалъ»—сообщилъ мнѣ важное извѣстіе: «наканунѣ утромъ по гузарской дорогѣ проѣзжало нѣсколько человѣкъ русскихъ. Ночевали они въ Чешма-и-Хафизанѣ, деревенькѣ, отстоящей отъ Кара-Ховаля верстъ на 15 къ юго-западу. Затѣмъ они направились на Кушъ-Лушъ и намѣревались ночевать въ Гузарѣ».—Старшина прибавилъ къ этому, что, по слухамъ, это проѣзжалъ изъ Кабула русскій «эльчи», т. е. посолъ.

Понятно, что это извѣстіе меня очень заинтересовало. Кто бы могли быть эти русскіе? этотъ эльчи? Старшина сообщалъ мнѣ также, что въ числѣ русскихъ было четверо «турей», т. е. господъ, два переводчика, 10 человѣкъ казаковъ и много туземной прислуги. Скорѣе всего можно было предположить, что это было возвращавшееся изъ Кабула наше посольство. «Но, разсуждалъ я,—въ посольствѣ 5 «турей», а кромѣ того, оно не имѣло позволенія выѣхать изъ Кабула. Очевидно, это не посольство». Вотъ только слово «эльчи» меня очень смущало. Не будь сказано это слово, я съ большей увѣренностью могъ бы предположить, что это былъ никто иной, какъ полковн. Матвѣевъ, возвращавшійся изъ своей ученой экспедиціи въ Кулябъ и Бадахшанъ. Но и тутъ опять возникалъ вопросъ: какіе же это 4 «тури»? Вѣдь съ полковн. Матвѣевымъ было всего трое господъ: самъ полковникъ, астрономъ Шварцъ и прапорщ. Троцкій. Можно было бы конечно помириться съ числомъ, предположивъ, что полковн. Гродековъ, присоединился къ экспедиціи Матвѣева въ Мазари-Шерифѣ; но допустить это предположеніе я не могъ, такъ какъ еще 25 октября Гродековъ былъ уже въ Меймане, что я зналъ изъ послѣдняго его письма, еще будучи въ Ташкентѣ.—Наконецъ—полковн. Матвѣеву, по моему расчету, еще рано было возвращаться въ Ташкентъ. Выѣхавъ изъ Ташкента 21 сентября, онъ имѣлъ твердое намѣреніе проникнуть, во что бы то ни стало, въ Кафиристанъ, пройти черезъ Гинду-Кушъ и въ Кабулѣ соединиться съ нашей миссіей. А для исполненія такой программы требовалось гораздо большее время, чѣмъ то, которое прошло до сихъ поръ со времени отправленія его въ путь.

Очевидно было, что довольствоваться одними подобными размышленіями и соображеніями на моемъ мѣстѣ нельзя было. Поэтому я сдѣлалъ вызовъ джигитамъ селенія Кара-Ховаля—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ отвезти мое письмо въ Гузаръ къ остановившимся тамъ

русскимъ людямъ и привезти отъ нихъ отвѣтъ. Одинъ киргизъ взялся доставить мнѣ отвѣтъ къ 11-ти часамъ слѣдующаго дня; между тѣмъ въ данное время было уже 8 час. вечера, а до Гузара отъ Кара-Ховаля, вѣроятно, не менѣе 60 верстъ пути [1]).

На слѣдующій день, лишь только я проснулся, какъ въ мое холодное помѣщеніе [2]) вошелъ мѣстный акъ-сакалъ; онъ держалъ въ рукахъ какую-то бумагу. Бумага оказалась письмомъ старшины селенія Чешма-и-Хафизанъ къ мѣстному старшинѣ. Это письмо было ничто иное, какъ отвѣтъ на запросъ моего старшины, посланный имъ въ с. Чешма-и-Хафизанъ еще вчера, съ нарочнымъ, безъ моего вѣдома. Въ этомъ поступкѣ нельзя было не узнать обычной, любезной предупредительности и услужливости бухарскихъ властей по отношенію къ русскимъ путешественникамъ.

Въ письмѣ старшины Чешма-и-Хафизанъ были поименованы всѣ русскіе люди, которые проходили этимъ селеніемъ наканунѣ и о которыхъ я справлялся. Оказалось, что это дѣйствительно была возвращавшаяся экспедиція полковника Матвѣева. Астрономъ Шварцъ былъ названъ въ письмѣ «докторомъ». Весь обозъ (вьючный) экспедиціи состоялъ изъ 32 лошадей.

Было уже 12 часовъ дня, когда я, не дождавшись возвращенія джигита, выступилъ изъ селенія въ дальнѣйшій путь. Перешедши небольшую рѣчку Кчи-уру-Дарья, берега которой были обрамлены широкой полосой льда—несмотря на то, что t° воздуха въ тѣни была 9°С—я поднялся по узкой и крутой тропѣ на невысокій горный хребетъ А з и с ъ. Вода рѣчки селенія содержитъ такое большое число хлоридовъ, что я никакъ не могъ приготовить растворъ азотнокислаго серебра. Лишь только серебро растворялось, какъ вода получала сильно мутный цвѣтъ, даже съ появленіемъ хлопчатаго осадка. А между

---

[1]) Туземцы считаютъ 4 таша, а ташъ, какъ извѣстно уже читателю, равняется приблизительно 8 верстамъ.

[2]) Туземные дома отапливаются обыкновенно не посредствомъ печей, а просто при помощи костра, разложеннаго среди комнаты, въ особенномъ углубленіи; или же въ комнатѣ держатъ жаровню съ горячими угольями, «мангалъ». Понятно, что ночью и это отопленіе прекращается, вслѣдствіе чего t° помѣщенія сильно понижается; къ утру она обыкновенно сравнивается съ t° наружнаго воздуха.

тѣмъ растворъ былъ мнѣ очень нуженъ; у двухъ казаковъ развилась острая ангина; поэтому растворъ нуженъ былъ для смазыванія. Часовъ въ 6 вечера я прибылъ на стоянку Шур-абъ. По дорогѣ, пролегающей по очень пустынной мѣстности, изрѣдка попадались стада барановъ и рѣдкія группы верблюдовъ.

Рано утромъ слѣдующаго дня пріѣхалъ на станцію Шур-абъ мой посланецъ и привезъ столь желанный мною отвѣтъ. Полковникъ Матвѣевъ былъ такъ любезенъ, что написалъ мнѣ цѣлое посланіе. Онъ сообщалъ, что въ Кабулѣ не былъ, а проѣхалъ только Авганскимъ Туркестаномъ, да и то очень быстро. Поэтому на мои вопросы о состояніи дорогъ въ горахъ Гинду-Куша, а также и о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ въ Авганистанѣ, онъ мнѣ не могъ сказать ничего опредѣленнаго. Но онъ увѣдомлялъ меня, что авганская администрація не измѣнила своихъ дружескихъ отношеній къ русскимъ, хотя по обыкновенію и окружаетъ тройнымъ конвоемъ всякаго русскаго, подъ условіемъ его безопасности, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы изолировать его отъ туземнаго населенія, ненависть котораго къ авганскому режиму не составляетъ ни для кого тайны, тѣмъ болѣе для самой авганской администраціи. Затѣмъ полковникъ сообщалъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно дороги по бухарскимъ владѣніямъ, хотя дорога эта мнѣ была уже извѣстна изъ первой моей поѣздки въ Авганистанъ. Такъ, между прочимъ, полковникъ особенно указывалъ на трудный путь по ущелью Шур-абъ; но онъ не зналъ, вѣроятно, что это ущелье можно обойти съ сѣвера, черезъ невысокій перевалъ. Знаніе этого обхода особенно важно для зимняго времени, когда ручей, текущій по ущелью, покрываетъ его дно скользкимъ слоемъ льда, вслѣдствіе чего путь для вьючныхъ животныхъ дѣлается чрезвычайно неудобнымъ. Въ заключеніе полковникъ желалъ мнѣ счастливаго пути.

Я вознаградилъ джигита за его услугу халатомъ,—особенно почетнымъ подаркомъ въ глазахъ туземца-среднеазіатца. Кромѣ того, я ему далъ достаточное количество бухарскихъ тенегъ. Въ этотъ день морозъ доходилъ до—8°С.

Въ Ширъ-абадъ я прибылъ 5-го декабря. Полковникъ Матвѣевъ совѣтовалъ мнѣ въ своемъ письмѣ—послать изъ этого города письмо Лойнабу Авганскаго Туркестана для того чтобы извѣстить его о своемъ

проѣздѣ. Это извѣстіе нужно было для того, чтобъ не ждать на берегу Аму прибытія авганскаго конвоя. Я послѣдовалъ его мудрому совѣту, но еслибы читатель зналъ, какихъ трудовъ мнѣ стоило написаніе этого письма! Выше я уже сказалъ, что на тѣ скудныя средства, которыя были мнѣ ассигнованы, я не могъ нанять порядочнаго переводчика. Джигитъ, который у меня исполнялъ роль переводчика, не умѣлъ писать. Для того чтобы написать письмо, надо было употребить такой пріемъ: сначала содержаніе письма было мною разсказано моему переводчику, а этотъ послѣдній долженъ былъ передать его мирзѣ, который сопровождалъ меня отъ г. Шаара. Мирза же долженъ былъ со словъ джигита записать содержаніе письма. Съ самаго же начала всей этой процедуры стало для меня ясно, что едва ли мнѣ удастся послать письмо. Надъ писаніемъ фразы: «изъ Самарканда обо мнѣ писали Лойнабъ-саибу»...—оба мои «секретаря» пробились чуть ли не полчаса времени. Переводчикъ обыкновенно начиналъ фразу: «эсъ Самаркандъ невиште шуд...», но въ это время его перебивалъ мирза и тогда между обоими составителями письма возникалъ горячій споръ, причемъ каждый изъ нихъ только начиналъ первыя слова фразы: «эсъ Самаркандъ...»—и ни съ мѣста дальше. Я ужь не знаю, какъ было письмо написано, но все же оно было отослано по назначенію въ тотъ же день, вечеромъ. Его повезъ мой караванъ-баши, Нассиръ-ханъ.

Здѣсь, въ Ширъ-абадѣ, совсѣмъ было не замѣтно, что на дворѣ была уже зима. Температура воздуха въ 1 часъ дня, въ тѣни, дала 20°С, а въ 5 часовъ утра 4°С. Листья на деревьяхъ хотя и пожелтѣли, но еще не опали. Я сдѣлалъ визитъ беку города, который онъ въ тотъ же день мнѣ и отдалъ. Бекомъ здѣсь теперь былъ не Абдурахманъ, мой бывшій паціэнтъ, а вновь назначенный, Абдулъ-Жалильбій. Во время визита онъ не преминулъ похвастаться своимъ знаніемъ русскихъ обычаевъ.

На слѣдующій день ночевка была назначена мною въ небольшомъ селеніи Ангоръ. Отсюда до берега Аму,—переправы Патты-Кисаръ или Патта-Гюзаръ [1]),—ровно такое же разстояніе, какъ и до

[1]) Можетъ быть и то и другое названіе одинаково вѣрно. Первое значитъ—срубленная патта (родъ тополя, который ростетъ на берегу Аму); второе—переправа по билетамъ.

Ширъ-абада, т. е. верстъ 25. Дорога до берега Аму все время идетъ по степной, песчаной мѣстности. Настоящіе пески, впрочемъ, начинаются верстахъ въ 15-ти отъ берега рѣки. Тѣмъ не менѣе, они здѣсь не глубоки. Песчаные холмы очень низки и покрыты рѣдкимъ саксаульникомъ. Не доѣзжая до переправы Патта-Гюзаръ верстъ 5—6 находятся обширныя развалины. На огромномъ пространствѣ земля покрыта обломками жженаго кирпича. Въ одномъ мѣстѣ уцѣлѣла башня, вышиною около 5—7 саж., построенная также изъ жженнаго кирпича. Кругомъ башни, этажами, въ нѣсколько рядовъ, идутъ надписи. Надписи составлены изъ куфическихъ буквъ, причемъ каждая буква составлена изъ одного или изъ нѣсколькихъ кирпичей. Верхъ башни разрушенъ. Невдалекѣ отъ нея находятся развалины очень обширныхъ зданій, построенныхъ изъ битой глины. Множество кирпичныхъ обломковъ, имѣютъ изразцовую облицовку. Эти развалины носятъ названіе Хайбаръ. Нужно замѣтить, что невдалекѣ отъ селенія Ангоръ также находятся развалины съ нѣсколькими полуразрушенными, довольно высокими башнями.

Достигнувъ селенія Патта-Киссаръ, я узналъ, что мнѣ не нужно будетъ ожидать здѣсь авганскаго конвоя ни одного дня: онъ уже ждалъ меня на авганскомъ берегу рѣки.

8-го декабря, рано утромъ, я переправился на двухъ паромахъ на противоположный берегъ Аму. Несмотря на то, что берега рѣки были покрыты ледяной корой, а t° воздуха была—8° С., лодочники бродили около лодокъ по колѣно въ водѣ, босыми ногами. На томъ берегу меня встрѣтилъ авганскій офицеръ, во главѣ небольшаго конвоя. Онъ ожидалъ меня здѣсь уже въ продолженіи 5 дней. Это былъ тотъ же конвой, который сопровождалъ и полковника Матвѣева въ его путешествіи по Бадахшану и Авганскому Туркестану.

9-го декабря я прибылъ опять въ городъ «священной гробницы Алія» (буквальный переводъ словъ: Мазари-Шерифъ).

ГЛАВА III.

Въ Мазари-Шерифѣ.

Прибытіе въ этотъ городъ.—Первыя извѣстія съ театра англо-авганской войны, полученныя мною.—Признаки броженія умовъ въ Авганистанѣ.—Слухи о намѣреніи эмира Ширъ-Али-хана переѣхать изъ Кабула въ Авганскій Туркестанъ.—Визитъ Лойнабу.—Пріѣздъ семейства эмира въ Мазари-Шерифъ.—Переписка съ Ташкентомъ.—Метеорологическія наблюденія.—Письмо отъ эмира.—Его пріѣздъ въ Ташъ-Курганъ.—Я ѣду на встрѣчу нашей миссіи.

Въ разстояніи не болѣе одной версты отъ города я былъ встрѣченъ еще однимъ небольшимъ конвоемъ изъ авганскихъ всадниковъ. Сопровождавшій меня авганскій офицеръ, Сары-Джанъ, поболталъ нѣсколько минутъ на грубомъ и терпкомъ, если можно такъ выразиться, языкѣ Пушту съ начальникомъ новаго конвоя и своротилъ съ прямой дороги въ сторону. Я тотчасъ же спросилъ моего вожатаго о причинѣ перемѣны направленія.

— Инъ джа рахъ хубъ эстъ (здѣсь ѣхать удобнѣе), уклончиво отвѣчалъ онъ на мой вопросъ.

На это я замѣтилъ своему горбоносому спутнику, что мѣстныя дороги я знаю отлично, и что еслибы мы поѣхали по прямому направленію, то выиграли бы и во времени и въ разстояніи.

— Но, вѣдь вы должны въ такомъ случаѣ знать, возразилъ мнѣ Сары-Джанъ, что прямая дорога ведетъ отсюда къ вашему помѣще-

нію только черезъ базаръ. Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается большое неудобство прямаго пути.

Такъ какъ я выразилъ удивленіе по поводу такого объясненія неудобства пути, то онъ продолжалъ развивать свою мысль далѣе.

— Вы не знаете какъ много дурныхъ людей въ Авганистанѣ. На базарѣ постоянно толчется разный людъ. Тамъ скорѣе всего можно встрѣтиться съ дурными людьми, которые не задумаются надъ тѣмъ, чтобы нанести вамъ какое-либо оскорбленіе.

— Да, вѣдь, я—русскій, возразилъ я. Вѣдь всѣ авганцы знаютъ, что русскіе — ихъ друзья, а вы говорите о какомъ то оскорбленіи, которое будто-бы мнѣ угрожаетъ?

— Слушайте, докторъ-саибъ,—я отвѣчаю передъ эмиръ-саибомъ за вашу безопасность и неприкосновенность своею головою. Если съ вами случится что либо дурное въ то время, когда я васъ сопровождаю и охраняю, то я—погибшій человѣкъ. Вы не знаете Авганистана! Повѣрьте мнѣ,—лишь только вы покажетесь на многолюдныхъ мѣстахъ города, какъ сейчасъ же глупые люди—вѣдь они ничего не видали и ничего не знаютъ—закричатъ: «вотъ каффиры!» А другіе, зная, что это «урусы», закричатъ: «урусъ-каффиръ! урусъ-каффиръ!» Народъ глупъ; кто знаетъ, что можетъ тогда случиться? А я рискую своей головой!

Очевидно было, что мой спутникъ очень берегъ свою голову и не могъ быть причисленъ къ разряду очень храбрыхъ людей; поэтому я рѣшилъ не тревожить его болѣе. Тѣмъ не менѣе я замѣтилъ ему, что базаромъ этого города я уже проѣзжалъ разъ, но никакихъ враждебныхъ намъ, русскимъ, возгласовъ не слыхалъ, не замѣтилъ также и угрожающихъ взглядовъ. Однако я долженъ былъ поѣхать кружной дорогой.

Черезъ полчаса ѣзды по оголеннымъ полямъ мы добрались до западной окраины города и поѣхали по знакомой уже мнѣ балхской дорогѣ. Вскорѣ съ той и другой стороны потянулись однообразные глиняные заборы, обрамляющіе какъ будто совсѣмъ опустѣвшія, въ данное время, улицы. На нихъ не видно было ни одной души. Даже у глинянаго полуразрушеннаго «мазара» (гробницы) какого то неважнаго мусульманскаго праведника не было обычнаго завсегдатая—дервиша. Шестъ, съ грязной тряпкой на вершинѣ, одиноко торчалъ, на-

поминая «правовѣрнымъ», чтобы они не забыли, проѣзжая этимъ мѣстомъ, сотворить обычную молитву. Городъ казался вымершимъ. Тѣмъ не менѣе, мой авганскій офицеръ скомандовалъ: «шашки вонъ!»—и мои охранители, съ обнаженными клинками, образовали около меня кругъ. Уже въ самомъ центрѣ города, недалеко отъ помѣщенія Лойнаба, намъ встрѣтились 2 или 3 узбека, скромно возсѣдавшихъ на выгнутыхъ хребтахъ вислоухихъословъ. Но едва эти забитые люди замѣтили грозную внушительность моей обстановки, какъ тотчасъ же поспѣшили убраться въ сосѣдній, глухой переулокъ.

Обогнувъ съ запада домъ Лойнаба и примыкавшія къ нему казармы гератскихъ кавалеристовъ, я подъѣхалъ къ столь знакомому уже мнѣ лѣтнему помѣщенію миссіи. Мы вошли. Здѣсь все было по старому: тѣ же глиняные флигеля, расположенные по обѣимъ сторонамъ внутренняго двора, таже невысокая эстрада посреди него, которая была нѣкогда сборнымъ пунктомъ всѣхъ членовъ миссіи, тотъ же рядъ гигантскихъ развѣсистыхъ чинаровъ, тѣ же высокія, глиняныя стѣны кругомъ... мнѣ кажется, что даже и тѣ двѣ сороки, которыя безпечно стрекотали на вершинѣ одного древеснаго великана, были старыя знакомыя, лѣтнія гостьи.

Знакомая обстановка напомнила мнѣ о былыхъ дняхъ и разбудила прежнія, давно пережитыя, впечатлѣнія. Тогда здѣсь было такъ людно, иногда — весело, несмотря на добровольное заключеніе въ 4-хъ стѣнахъ; по временамъ слышались пѣсни.... Теперь же—домъ казался какою-то пустыней. Угрюмая молчаливость моего спутника; обнаженность чинаровъ, посылавшихъ свои оголенныя вѣтви прямо въ самыя окна комнатъ; рѣзкій свистъ вѣтра среди повиснувшихъ, какъ-бы въ изнеможеніи, вѣтвей ихъ; наконецъ, сгущающійся вечерній мракъ—все это произвело на меня очень грустное впечатлѣніе. Все помѣщеніе казалось какимъ-то печальнымъ, мрачнымъ, точно тяжелая туча повисла надъ нимъ.

Да, надъ Авганистаномъ въ это время уже собиралась грозовая туча. Я еще не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о новѣйшихъ политическихъ обстоятельствахъ этого государства, но я могъ, до нѣкоторой степени, предполагать о нихъ. Война Авганистана съ Англіей была неизбѣжна. Нетрудно было предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Авганцы не имѣютъ ни достаточнаго числа войска, ни порядочнаго

оружія. Правда, эмиръ Ширъ-Али-ханъ расчитывалъ на помощь Россіи. Вѣдь генер. Столѣтовъ, уѣзжая изъ Кабула, обѣщалъ ему привести тридцатитысячное войско. А Ширъ-Али-ханъ, я полагаю, не имѣлъ поводовъ не вѣрить словамъ генерала Столѣтова; вѣдь это былъ уполномоченный посолъ великой державы,—посолъ, про котораго ген. Кауфманъ въ своемъ рекомендательномъ письмѣ къ Ширъ-Али-хану говорилъ, чтобы эмиръ вѣрилъ ген. Столѣтову какъ ему самому, ген. Кауфманну. Какъ же было не вѣрить словамъ ген. Столѣтова? Эмиръ повѣрилъ и, посовѣту ген. Столѣтова, послалъ рѣзкій отказъ англійскому посольству. Не будь нашей миссіи въ Кабулѣ, не будь этихъ обѣщаній и совѣтовъ—очень можетъ быть, что эмиръ не поставилъ бы вопросъ о своихъ сношеніяхъ съ англо-индѣйской имперіей такъ круто.

Когда я думалъ такія невеселыя думы, ко мнѣ пришелъ мой караванъ-баши, Нассиръ-ханъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Мазари-Шерифъ уже два дня тому назадъ, доставилъ Лойнабу пресловутое мое письмо изъ Ширъ-абада, проживалъ здѣсь, въ ожиданіи меня, у серхенга Маметъ-хана, «авшарца», посѣтилъ своихъ знакомыхъ, шлялся на базарахъ... и узналъ слѣдующее:

«Въ Кабулѣ стало жить плохо. Недавно между англичанами и авганцами произошло сраженіе, далеко за Джелалабадомъ; въ этомъ сраженіи убито болѣе 700 авганцевъ. Эмиръ Ширъ-Али-ханъ пересылаетъ изъ Кабула въ Мазари-Шерифъ своихъ женъ и дѣтей».

Это извѣстіе явилось неожиданнымъ подтвержденіемъ моихъ думъ. Значитъ—англо-авганская распря дошла до кровавой развязки; значитъ—генер. Кауфманнъ правъ былъ, говоря мнѣ во время прощальной аудіэнціи, что «когда вы пріѣдете въ Кабулъ, то война авганцевъ съ англичанами будетъ, по всей вѣроятности, въ полномъ разгарѣ». Я еще былъ далеко отъ Кабула, а кровь уже пролилась съ обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Нельзя было не задуматься надъ положеніемъ нашей миссіи. Въ случаѣ рѣшительнаго отказа со стороны Россіи въ военной помощи эмиру Ширъ-Али-хану, и въ случаѣ—болѣе чѣмъ вѣроятномъ—рѣшительнаго пораженія авганской арміи,—наша миссія могла разыграть роль «жертвы вечерней» за грѣхи генер. Столѣтова. Эти грѣхи были тѣмъ болѣе не извинительны, что онъ не имѣлъ никакого основанія

давать эмиру положительныя обѣщанія военной помощи. Напротивъ. Извѣстіе объ окончаніи Берлинскаго конгреса и соотвѣтствующая инструкція генер. Кауфманна получены были посольствомъ какъ нельзя болѣе кстати, именно за день до въѣзда въ Кабулъ, т. е. 28 іюля.— Генерала Столѣтова теперь не было въ Кабулѣ, но отвѣтственность за его слова и обѣщанія падала на оставшихся въ Кабулѣ членовъ посольства. Вотъ эта-то отвѣтственность за чужіе грѣхи и дѣлала положеніе нашей миссіи рискованнымъ.

Полученныхъ извѣстій для меня, на первый разъ, было совершенно достаточно. Я хотѣлъ ихъ, до нѣкоторой степени, провѣрить и поэтому за ужиномъ началъ бесѣду на эту тему съ моимъ спутникомъ, Сары-Джаномъ. Но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Маметъ-ханъ отговорился полнымъ незнаніемъ новѣйшихъ политическихъ событій. Очевидно было, что онъ не хотѣлъ говорить о тѣхъ неудачахъ, которыя постигли его братьевъ на полѣ чести. За то онъ подробно разсказалъ мнѣ о путешествіи полк. Матвѣева, о томъ, какъ они, по колѣни въ снѣгу, странствовали по горамъ Файзабада, розыскивая каффировъ и какъ, неуспѣвъ въ этомъ намѣреніи, должны были возвратиться вспять, причемъ ученый полковникъ по необходимости долженъ былъ удовлетворить свое научное любопытство каффирами плѣнниками, за нѣсколько недѣль прибѣжавшими изъ своихъ снѣжныхъ горъ въ Файзабадъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о политическихъ новостяхъ я надѣялся получить отъ Лойнаба Хошь-Диль-хана, которому я намѣревался сдѣлать визитъ на слѣдующій день, т. е. 10 декабря.

На слѣдующій день мнѣ, однако, не удалось увидать Лойнаба, такъ какъ еще ночью онъ экстренно выѣхалъ въ Ташъ-Курганъ. Мой дежурный офицеръ, Маметъ-шахъ, объяснилъ мнѣ внезапный отъѣздъ Лойнаба тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Хулумскомъ округѣ вспыхнули будто бы мѣстные безпорядки, появились шайки разбойниковъ, которыя стали угрожать сообщеніямъ авганскаго Туркестана съ Кабуломъ. Мнѣ сообщили также, что Лойнабъ пробудетъ въ Ташъ-Курганѣ нѣсколько дней.

Такое извѣстіе меня очень опечалило. Вѣдь это изъ рукъ вонъ! Я дорожу каждой минутой дорогого времени; спѣшу воспользоваться прекрасной погодой, а тутъ приходится терять нѣсколько дней совер-

менно непроизводительно, сидя на одномъ мѣстѣ. Ранѣе возвращенія Лойнаба нельзя было и думать выѣхать изъ Мазара-Шерифа въ Кабулъ, т. е. думать то можно было, но привести свои думы въ исполненіе совсѣмъ нельзя было. Лойнабъ, передъ своимъ отъѣздомъ, приказалъ не выпускать меня изъ города ранѣе его возвращенія. Вотъ это-то безсмысленное приказаніе меня порядочно таки разозлило. Когда же я высказалъ намѣреніе—выѣхать изъ города безъ согласія Лойнаба, то мой дежурный офицеръ рѣшительно сказалъ, что не выпуститъ меня изъ моего помѣщенія ни на шагъ. Объявивъ это, онъ извинился и сказалъ, что подобное поведеніе его въ отношеніи меня можетъ быть и невѣжливо, но оно вызывается обязанностями службы. На это, конечно, мнѣ ничего нельзя было возразить; резонъ былъ вполнѣ основательный. Нѣтъ сомнѣнія, что и всякій русскій чиновникъ поступилъ бы на его мѣстѣ подобнымъ же образомъ.—Тѣмъ не менѣе, этотъ «почетный арестъ» былъ мнѣ совсѣмъ не по губѣ.

Въ этотъ же день меня посѣтилъ старый мой знакомецъ, дитэнъ Мосинъ-ханъ. Ему очень хотѣлось узнать, скоро-ли возвратится ген. Столѣтовъ въ Кабулъ; онъ разспрашивалъ также о томъ, какъ поживаютъ въ Ташкентѣ члены авганскаго посольства и закончилъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, «докторъ-саибъ сталъ большимъ человѣкомъ».

— Когда вы были здѣсь въ первый разъ, съ генер. Столѣтовымъ, то въ вашемъ распоряженіи былъ лишь одинъ человѣкъ (деньщикъ). Теперь же у васъ 10 казаковъ, фельдшеръ и много туземной прислуги. Вы вѣроятно получили большой чинъ, или же высокій орденъ?

Когда я отвѣтилъ на вопросъ Мосинъ-хана отрицательно и не могъ удержаться отъ смѣха при такомъ наивномъ вопросѣ, то онъ посмотрѣлъ на меня съ видимымъ недоумѣніемъ, даже какъ будто съ недовѣріемъ. Уже уходя изъ моего помѣщенія онъ какъ бы мимоходомъ обронилъ фразу, что Лойнабъ выѣхалъ въ Ташъ-Курганъ для встрѣчи семейства эмира Ширъ-Али-хана.

Мой «нанъ-даръ» или, буквально, «хлѣбодаръ», Яръ-Маметъ-ханъ, цвѣтущій здоровьемъ и молодостью авганецъ, командированный Лойнабомъ въ мое распоряженіе, почему-то возъимѣлъ ко мнѣ

особенную симпатію. Онъ подъ великимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что дѣла Авганистана плохи, что Англичане сильно побили авганцевъ въ послѣднемъ сраженіи, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ, кажется, намѣренъ выѣхать изъ Кабула въ Мазари-Шерифъ, что Кохистанъ возмутился и дорога на Бамьянъ стала небезопасна.

— Впрочемъ, прибавлялъ онъ потомъ,—вы все это узнаете гораздо подробнѣе отъ самаго Лойнабъ-саиба.

Я ждалъ, поэтому, возвращенія Лойнаба съ понятнымъ для читателя нетерпѣніемъ.

Между тѣмъ вѣсти съ театра войны, которыя мнѣ аккуратно передавалъ мой хлѣбодаръ, и которыя подтверждалъ и дополнялъ всезнающій Нассиръ-ханъ, становились все хуже и хуже, все грознѣе и грознѣе. Сдѣлалось извѣстнымъ, что Англичане, взявши укрѣпленіе Али-Мечеть, форсировали весь Хайберскій проходъ, овладѣли Даккой, Лальпуромъ и чуть ли не подошли къ Джелалабаду. Съ другой стороны—южный корпусъ англійской арміи подвинулся почти до самаго Кандахара. Были даже слухи, что Кандахаръ уже взятъ англичанами.

Все это были извѣстія такого свойства, что заставляли меня сильно задуматься о дальнѣйшей судьбѣ горсти русскихъ людей, засѣвшихъ въ злополучномъ Кабулѣ. Я предположилъ даже, что въ Кабулѣ произошелъ взрывъ революціи (что потомъ и подтвердилось). А это обстоятельство могло только еще болѣе ухудшить положеніе миссіи. Мнѣ становилось смѣшно, что я именно теперь ѣду въ Кабулъ къ русскому посольству, когда Кабулъ, можетъ быть, уже занятъ англичанами или же близокъ къ этому, а авганское государство находится на краю гибели. Я какъ бы розыгрывалъ роль рыцаря, розыскивающаго русское посольство.

Что меня особенно здѣсь удивляло—это роль, которую играетъ средне-азіатскій базаръ въ политической жизни страны. На базарѣ получаются всѣ новѣйшія извѣстія; тамъ обсуждаются съ удивительной, для Средней Азіи, свободой всѣ эти извѣстія, а равно и мѣропріятія властей. Отсюда, какъ отъ питательнаго центра, всѣ новости съ непонятной для европейца быстротой разносятся въ ближайшія селенія, города и т. д. Среднеазіатскій базаръ играетъ въ странѣ роль нашей ежедневной прессы. И, что всего замѣчательнѣе, —

извѣстія, распространяющіяся такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ оказываются очень вѣрными; въ нихъ мало не только искаженій, но даже и простыхъ преувеличеній.

Я имѣлъ возможность нѣсколько разъ провѣрить базарные слухи и извѣстія и всегда убѣждался въ ихъ достовѣрности. Въ данномъ случаѣ эта точность и эта быстрота полученія свѣдѣній о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ были еще болѣе удивительны, такъ какъ авганская администрація тщательно скрывала состояніе дѣлъ отъ мѣстнаго, покореннаго, узбекско-таджикскаго населенія.

Лойнабъ возвратился въ Мазари-Шерифъ только 12 декабря. Я ожидалъ, что онъ пригласитъ меня къ себѣ въ этотъ же день, но ошибся въ разсчетѣ. Даже и слѣдующій день прошелъ безъ всякаго для меня результата. Лойнабъ не могъ меня принять будто бы по нездоровью.

Между тѣмъ его чиновники мнѣ сообщили, что я долженъ буду прожить въ городѣ еще нѣсколько дней.

— Дѣло въ томъ, говорили они, что Лойнабъ-саибъ послалъ въ Кабулъ донесеніе о вашемъ пріѣздѣ. Пока не будетъ полученъ на это донесеніе надлежащій отвѣтъ, т. е., дозволеніе эмира на дальнѣйшее продолженіе пути—вамъ нельзя выѣхать изъ города.

Конечно я не замедлилъ выразить свой протестъ противъ подобныхъ мотивовъ моего задержанія въ Мазари-Шерифѣ, выставляя на видъ всю ихъ несостоятельность. Но на всѣ мои представленія чиновники отвѣчали, что они не могутъ входить со мной въ разсужденія объ этомъ, что мнѣ на всѣ мои запросы имѣетъ отвѣтить самъ Лойнабъ-саибъ. Очевидно было, что мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только ожидать разъясненій отъ самаго Лойнаба. Но вотъ прошло 12-е декабря, прошло и 13, а Лойнабъ ни самъ ко мнѣ не являлся, ни къ себѣ меня не звалъ. Тогда я извѣстилъ его черезъ дежурнаго офицера, что о своемъ задержаніи въ Мазари-Шерифѣ считаю необходимымъ увѣдомить Туркестанскаго генералъ-губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я на отрѣзъ отказался отъ содержанія, доставлявшагося мнѣ Лойнабомъ.

Это былъ очень сильный ходъ съ моей стороны. Отказъ отъ гостепріимства—у среднеазіатца-мусульманина означаетъ полный разрывъ дружбы. Какъ и слѣдовало ожидать, Лойнабъ сейчасъ же почувство-

валъ всю вѣскость этой мѣры. 14-го числа онъ пригласилъ меня къ себѣ.

Аудіэнція произошла при обычной, довольно торжественной и уже знакомой читателю, обстановкѣ. Лойнабъ принялъ меня во главѣ своихъ помощниковъ. Онъ одѣтъ былъ въ мѣховую, крытую парчей, шубу, имѣвшую покрой халата. Золотые цвѣты парчи были вытканы по голубому полю. На головѣ онъ имѣлъ національный «кюлахъ» (коническая, изъ мерлушекъ, шапка). Онъ сидѣлъ въ бархатномъ креслѣ. Позади стояли два-три его помощника. Передъ террасой, на которой происходила аудіенція, стояло полроты авганскихъ гвардейцевъ. Мои 10 казаковъ, въ папахахъ и синихъ мундирахъ, стояли шеренгой подъ прямымъ угломъ къ шеренгѣ гвардейцевъ Лойнаба. Они составляли рѣзкій контрастъ съ авганскими собратьями по ремеслу.

Моя бесѣда съ Лойнабомъ началась, конечно, чисто оффиціальными фразами и вопросами о здоровьѣ эмира Ширъ-Али-хана, самого Лойнаба, благополучіи государства и т. п. Но я не тратилъ на это много времени и быстро перешелъ къ цѣли своего посѣщенія. Я выразилъ Лойнабу мое непремѣнное желаніе—какъ можно скорѣе отправиться въ Кабулъ.

— Я совершенно съ вами, докторъ-саибъ, согласенъ,—отвѣчалъ Лойнабъ; вамъ дѣйствительно нужно торопиться отъѣздомъ въ Кабулъ. Время года такое, что сообщеніе съ Кабуломъ можетъ скоро прерваться вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ. Теперь же по дорогѣ снѣга почти совсѣмъ еще нѣтъ. Только вамъ все-таки нужно будетъ прожить здѣсь, въ Мазари-Шерифѣ, нѣсколько дней; это нужно для того, чтобы дождаться отвѣта эмира-саиба на мое донесеніе. Лишь только отвѣтъ получится въ утвердительномъ смыслѣ, я васъ не буду задерживать ни одной минуты.

Слова Лойнаба показались мнѣ старой пѣсней и потому я энергически протестовалъ противъ моей задержки.

— Вамъ вѣроятно не безъизвѣстно, Лойнабъ-саибъ, возражалъ я,—что я ѣду вслѣдствіе личнаго приглашенія эмира-саиба. Онъ меня звалъ—и я ѣду. Ясно, что никакого другого разрѣшенія для моего слѣдованія въ Кабулъ не надо; понятно, что въ томъ приглашеніи, которое прислалъ мнѣ эмиръ въ Ташкентъ, дано и позволеніе на проѣздъ мой по авганскимъ владѣніямъ. Наконецъ, Лойнабъ-саибъ

знаетъ, что я—членъ русскаго посольства, находящагося въ данное время въ Кабулѣ. Уже этого одного достаточно, чтобы я могъ безпрепятственно ѣхать въ Кабулъ.

Послѣ этого я предъявилъ Лойнабу мой «дорожный видъ».

Онъ внимательно прочиталъ документъ, медленно возвратилъ его мнѣ и съ задумчивымъ выраженіемъ на лицѣ началъ опять уговаривать меня—подождать отъѣздомъ.

— Вы правы, продолжалъ онъ. Но слушайте, что я вамъ скажу. О каждомъ иностранцѣ, вступившемъ на авганскую землю въ моемъ округѣ, я, прежде всего, доношу эмиру, и потомъ ожидаю отъ него соотвѣтственныхъ распоряженій. Личною властію я не могу разрѣшить проѣздъ по странѣ. Положимъ, вы—членъ русскаго посольства, вы ѣдете по приглашенію эмира-саиба, я васъ, наконецъ, лично знаю,—но, тѣмъ не менѣе, не могу безъ разрѣшенія эмира-саиба отпустить васъ въ Кабулъ. Иначе я рискую своей головой.

Онъ пріостановился, подумалъ и задумчиво продолжалъ далѣе.

— Да и времена теперь стали не тѣ, что прежде, когда вамъ писалъ эмиръ-саибъ. Дорога стала не безопасна. Появились разбойники. Возникли разные безпорядки.—Нѣтъ, вамъ нужно подождать; я васъ прошу подождать въ Мазари-Шерифѣ эти 5—6 дней.

Когда Лойнабъ упомянулъ о разбойникахъ, я съ апломбомъ показалъ ему на своихъ казаковъ-молодцевъ, подобранныхъ одинъ къ одному, рослыхъ, крѣпкихъ, и замѣтилъ ему, что съ 10 моими богатырями я надѣюсь управиться съ какой угодно шайкой сорванцовъ.

— Дѣло только въ томъ, продолжалъ я, что вѣдь безпорядки—я знаю это очень хорошо—вспыхнули далеко въ сторонѣ отъ моей дороги. Эти безпорядки произошли главнымъ образомъ по ту сторону Гинду-Куша, за Кабуломъ, а здѣсь все спокойно.

— Я не лгунъ! съ жаромъ и не безъ достоинства воскликнулъ Лойнабъ. Вы вполнѣ можете положиться на мои слова.

— Я вамъ, конечно, вѣрю, но согласитесь сами,—каково мнѣ сидѣть здѣсь еще 5—6 дней. Наконецъ, я васъ предупреждаю, что о задержкѣ моей въ Мазари-Шерифѣ я обязанъ донести Туркестанскому генералъ-губернатору.

— Не пишите этого, прошу васъ,—не пишите объ этомъ въ Ташкентъ до полученія отвѣта отъ эмира-саиба. Кто знаетъ,—мо-

жетъ быть онъ напишетъ вамъ нѣчто такое, что заставитъ васъ и совсѣмъ отказаться отъ поѣздки въ Кабулъ. Повѣрьте мнѣ,—я вѣдь вашъ старый и хорошій знакомый; я вамъ могу посовѣтовать только одно хорошее. Не сердитесь на меня; я былъ бы очень радъ сдѣлать для васъ все, что хотите, но, къ сожалѣнію, не могу отпустить васъ въ Кабулъ.

— Не могу я не сердиться, отвѣчалъ я; я солгалъ бы вамъ, изобразивъ на своемъ лицѣ удовольствіе, а вѣдь русскіе — также не лгуны.

Затѣмъ я всталъ съ намѣреніемъ откланяться Лойнабу и возвратиться домой.

Лойнабъ также всталъ и, протягивая мнѣ руку, такъ задушевно улыбался, что и я не могъ не расправить морщинъ на своемъ лбу, и только тутъ вспомнилъ о поклонахъ членовъ авганской миссіи, которые они просили меня передать Лойнабу.

— Вотъ примѣръ на лицо, сказалъ Лойнабъ. Вы не хотите подождать здѣсь 5—6 дней, а наше посольство ждетъ въ Ташкентѣ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

— Но, Лойнабъ-саибъ, вы забываете, что вѣдь и наша миссія также нѣсколько мѣсяцевъ живетъ въ Кабулѣ,—возразилъ я. Такъ и надо: ваша миссія живетъ у насъ, въ Ташкентѣ, а наша—у васъ, въ Кабулѣ. Мое же дѣло—совсѣмъ другое.

— И генералъ Столѣтовъ и полковникъ Гродековъ — всѣ они ждали разрѣшенія эмира, настаивалъ Лойнабъ.

— Вы знаете, что и эти случаи особенные, не имѣющіе ко мнѣ никакого отношенія, возражалъ я. Генералъ Столѣтовъ ѣхалъ въ Кабулъ въ первый разъ: дозволеніе эмира на проѣздъ его по странѣ было необходимо. Что касается полковника Гродекова, то, по моему мнѣнію, онъ напрасно ждалъ здѣсь такъ долго.

Лойнабъ хотѣлъ и еще что-то возразить, но я счелъ излишнимъ продолжать безплодные дебаты и сухо и холодно раскланялся съ нимъ.

Съ слѣдующаго дня я снова сталъ принимать довольствіе Лойнаба. Мои авганскіе прислужники повеселѣли.

— Лишь бы я былъ назначенъ сопровождать доктора-саиба въ Кабулъ! восклицалъ Сары-Джанъ. Ужь я буду стараться, чтобы док-

тору саибу было удобно ѣхать. А вы мнѣ тогда подарите ту мѣховую лисью шубку, которую носите утромъ...

Вообще я долженъ здѣсь сказать, что этотъ авганецъ съ каждымъ днемъ становился мнѣ все болѣе и болѣе непріятнымъ. Это былъ первый авганецъ съ весьма непривлекательными чертами характера, котораго я встрѣтилъ. Съ низкопоклонствомъ и грубою лестью онъ соединялъ жадность, попрошайничество, и я вскорѣ узналъ, что онъ аккуратно обворовывалъ моихъ лошадей, утаивая у себя часть отпускаемаго Лойнабомъ фуража. Онъ мнѣ страшно надоѣлъ своей обычною фразою: «менъ нукери шума, менъ адами шума» — я вашъ слуга... покорнѣйшій слуга. Его крючковатый, какъ у хищной птицы, носъ очень непріятно гармонировалъ съ зеленоватыми глазами. Выраженіе лица дышало ядомъ. Онъ перерылъ нѣсколько разъ мои персидскія книги и похвалилъ ихъ, хотя повидимому мало понималъ въ нихъ толку. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ у порога моей комнаты, чѣмъ страшно мнѣ надоѣдалъ, такъ что потомъ я безъ церемоніи сталъ высылать его вонъ. Во время обѣда, ужина, утренняго и вечерняго чая—онъ непремѣнно являлся ко мнѣ, и, сидя на корточкахъ у порога, смиренно ожидалъ отъ меня подачки. Иногда онъ, думая услужить мнѣ, топилъ въ моей комнатѣ каминъ; приводилъ мнѣ лошадей, спрашивая—не желаю ли я ихъ купить, присылалъ торговцевъ коврами и т. п. Но за то онъ никогда не упускалъ случая съ достоинствомъ заявить, что онъ командуетъ четырьмя стами всадниковъ.

Въ первые дни своего сидѣнья въ Мазари-Шерифѣ я не имѣлъ причинъ скучать. У меня были книги; я велъ корреспонденцію; устроилъ амбулаторію для туземныхъ больныхъ; производилъ метеорологическія наблюденія, обыкновенно на той самой террассѣ, на которой происходили лѣтнія «ассамблеи» миссіи; не одинъ десятокъ разъ прочиталъ двѣ русскія надписи, избороздившія кору двухъ чинаровъ... Кстати объ этихъ надписяхъ. Одна изъ нихъ гласила: «Н. Гродековъ, съ 7-го по 19-е октября 1878 г.»—На матово-зеленой, бархатной корѣ сосѣдняго, молодаго чинара значилась другая, очень коротенькая надпись: «П. М. $18\frac{23}{XI}78$». Послѣдняя надпись вѣроятно принадлежитъ полковнику Матвѣеву. Обѣ надписи были слегка замазаны глиной. Я едва не прельстился примѣромъ моихъ

предшественниковъ и не начерталъ своего имени рядомъ съ предъидущими; но мнѣ жаль было оцарапать нѣжную кору великолѣпныхъ чинаровъ. Да и къ чему эта реклама? думалъ я. Подобная выходка мнѣ казалась ребяческой забавой

18-го декабря я имѣлъ небольшое развлеченіе. Въ этотъ день пріѣхало въ Мазари-Шерифъ семейство эмира Ширъ-Али-хана. За нимъ слѣдовалъ огромный обозъ, не менѣе 3000 вьючныхъ животныхъ, при 10-ти слонахъ. Весь этотъ громадный транспортъ двигался подъ прикрытіемъ многочисленнаго отряда войскъ. Движеніемъ и охраной транспорта завѣдывалъ министръ двора Ширъ-Али хана, Сердарь-Абдулла-ханъ,—тотъ самый Сердарь, который встрѣтилъ русскую миссію въ Коти-Ашру, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Странная судьба выпала на долю этого, прекраснаго душою и тѣломъ, человѣка. 40 лѣтъ тому назадъ онъ скитался съ отцомъ настоящаго эмира въ дикихъ горахъ Кохистана, укрываясь отъ погони многочисленныхъ англійскихъ отрядовъ, наводнившихъ тогда весь Кабулистанъ. Эмиръ Достъ-Магометъ-ханъ долженъ былъ покинуть каменныя твердыни Кохистана и вмѣстѣ съ Абдулла-ханомъ спуститься въ долину Аму.—Теперь та же долина послужила Сердарю, а также и семьѣ сына Достъ-Магометъ-хана, убѣжищемъ отъ огня и меча старыхъ враговъ страны, все тѣхъ же англичанъ. При мысли о судьбѣ этого человѣка, я не могъ не вспомнить и другого сопоставленія: тогда Сердарь встрѣчалъ поруч. Виткевича; теперь же, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ встрѣчалъ генерала Столѣтова...

Семья эмира въѣхала въ городъ съ помпой. Съ дряхлыхъ стѣнъ глинянаго форта, защищающаго городъ съ сѣверо-востока, былъ произведенъ салютъ изъ 71 пушечн. выстрѣла. Слоны и значительная часть вьючнаго обоза помѣстились на той лужайкѣ, которая отдѣляла мое помѣщеніе отъ дома Лойнаба.

Въ этотъ же день я получилъ свѣжія политическія новости. Эмиръ выѣхалъ изъ Кабула и въ данное время находился на пути въ Мазари-Шерифъ, всего въ нѣсколькихъ дневныхъ переходахъ отъ него. Въ Кабулѣ правителемъ, вмѣсто эмира, остался Якубъ-ханъ, незадолго передъ этимъ освобожденный отцомъ изъ заточенія. Англичане овладѣли всѣмъ Хайберскимъ проходомъ и теперь находились недалеко отъ Джелалабада.

Сомнѣваться въ вѣрности этихъ извѣстій я не имѣлъ никакого повода. Значитъ, мнѣ приходилось отказаться отъ зимняго перехода черезъ Гинду-Кушъ. Эмиръ здѣсь—и мнѣ не зачѣмъ ѣхать въ Кабулъ. Лойнабъ былъ правъ, говоря, что «по полученіи отвѣта отъ эмира, докторъ-саибъ, можетъ быть, самъ откажется отъ поѣздки въ Кабулъ». Очевидно было, что отвѣтомъ на донесеніе Лойнаба будетъ пріѣздъ самого эмира въ Мазари-Шерифъ.

Меня удивляло и немало сердило то обстоятельство, что наша миссія не прислала мнѣ до сихъ поръ ни одной строчки. По моему разсчету выходило, что съ нарочнымъ посланцемъ (летучей авганской почтой) мнѣ можно было бы уже получить отвѣтъ на мое письмо. Но я сдѣлалъ ошибку въ разсчетѣ на два дня: 20-го декабря я сразу получилъ нѣсколько писемъ отъ членовъ миссіи.

Генералъ Разгоновъ между прочимъ сообщалъ мнѣ, что письмо мое было получено имъ 16-го декабря, въ Руи. Свое же письмо онъ помѣтилъ станціею Саядъ, гдѣ въ данное время находился эмиръ.

Описавъ въ первой половинѣ письма военныя дѣйствія на англо-авганскомъ театрѣ войны, г. Разгоновъ увѣдомлялъ меня, что миссія выѣхала изъ Кабула 1-го декабря вмѣстѣ съ эмиромъ. Правителемъ государства эмиръ назначилъ своего сына Магометъ-Якубъ-хана. Самъ же эмиръ выѣхалъ въ Авганскій Туркестанъ; но онъ имѣлъ намѣреніе проѣхать въ Ташкентъ и, можетъ быть, даже въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько часовъ по полученіи мною писемъ, пришелъ мирза (секретарь) Лойнаба и вручилъ мнѣ письмо, писанное на персидскомъ языкѣ. Письмо это содержало отвѣтъ эмира Ширъ-Али-хана. Вотъ его содержаніе:

«Станція Дуабъ. Мѣс. Могарремъ, 1-е число 1296 года.

«Въ настоящее время англичане, начавъ непріязненныя дѣйствія, заставили меня удалиться изъ Кабула. Теперь я отправляюсь въ Ташкентъ Взявъ тамъ достаточное количество войскъ, я намѣренъ возвратиться въ Кабулъ и выгнать изъ Авганистана моихъ враговъ, англичанъ. Такъ какъ путь мой идетъ черезъ Мазари-Шерифъ, то я и прошу доктора-саиба дождаться моего прибытія въ этомъ городѣ».

Понятно, что со времени полученія этого письма я болѣе не на-

стаивалъ о моемъ немедленномъ отъѣздѣ изъ Мазари-Шерифа. Теперь дѣйствительно не было для этого никакой надобности.

Весь слѣдующій день я былъ занятъ писаніемъ писемъ и вообще разнаго рода корреспонденцій. Тутъ я въ первый еще разъ замѣтилъ, какъ мѣняются слогъ и тонъ письма сообразно съ адресатомъ.

Для передачи этой разницы я воспользовался бы сравненіями чисто музыкальнаго свойства. Такъ, напр., письмо къ г. Кауфманну по солидности и оффиціальности тона я сравнилъ бы съ полными, но осторожными ударами смычка по контра-басу. Въ письмѣ къ медицинскому инспектору уже замѣчались болѣе мягкіе звуки віолончеля, хотя все еще преобладали тоны средней высоты и силы. Письмо къ Н. звучало также игриво и мягко, какъ флейта; письмо же къ В. отдавало речитативомъ, сигналами тревоги и даже барабанной дробью. Письмо къ Е. походило на равнодушно исполненную увертюру изъ оперы дидактическаго характера...

Кстати о музыкѣ.

Прогуливаясь по верхнимъ террасамъ зданій моего помѣщенія я неоднократно заглядывался на игру мѣстнаго виртуоза и заслушивался авганскихъ пѣсень. Нужно замѣтить, что кругомъ моего помѣщенія разставлено было нѣсколько пикетовъ изъ авганскихъ солдатъ. Суровые сыны Марса,—въ Средней Азіи одинаково грознаго, какъ и въ Средней Европѣ, и которому кровавыя, языческія жертвоприношенія не прекращаются и до сихъ поръ, несмотря на то, что среднеазіатцы-мусульмане такъ много кичатся чистотой своей «истинной» вѣры въ «нерожденнаго и неродившаго» Бога, а среднеевропейцы-христіане (т. е. германцы) не менѣе кичатся своей культуръ-трегерскою религіей,—такъ сыны Марса оказались также и поклонниками Аполлона, съ его длинной свитой изъ Музъ. Подъ меланхолическіе звуки «дутары» или—рѣже—«чааръ-тары» часто неслась къ этому вѣчно-голубому, южному небу пѣснь любви изъ устъ какого-нибудь рослаго, плечистаго авганца. Вокругъ пѣвца обыкновенно собирался кружокъ изъ солдатъ, его же соратниковъ, которые и награждали пѣвца шумными знаками одобренія. Въ первое время мое, выглядывающее изъ за барьера терассы, лицо очень смущало пѣвцовъ. Но потомъ они привыкли ко мнѣ. Мнѣ особенно понравился напѣвъ «герати».

Потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней я наслаждался игрою на флейтѣ. Мягкіе, тягучіе звуки ея то какъ бы замирали вдали, то усиливались, какъ бы постепенно приближаясь. Иногда слышалась тихая трель. Я спросилъ, кто это играетъ и просилъ пригласить артиста къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ ввели пожилаго авганца, солдата вершковъ 14-ти, состоявшаго въ числѣ моей стражи. Глядя на представшаго передо мной гиганта, широкоплечаго, мускулистаго, съ суровыми чертами смуглаго, какъ бы закопченнаго пороховымъ дымомъ лица,—трудно было предположить въ немъ избранника прелестной Музы, той Музы, которая дала Орфею могучую силу—укрощать дикихъ звѣрей и сдвигать съ мѣста скалы. За то глубокіе, темные глаза этого человѣка свѣтились мягкимъ, кроткимъ свѣтомъ,—что достаточно говорило въ пользу мягкости его душевной натуры.

Этотъ человѣкъ держалъ въ своихъ рукахъ небольшую, около 1 фута длины, металлическую флейту. Она обладала объемомъ около двухъ октавъ. Звуки нижняго регистра были очень нѣжны, мелодичны. Звуки верхней октавы нѣсколько походили на звуки окарины. Флейта представляла дешевое англійское издѣліе и стоила здѣсь 2 рупіи. Доморощенный артистъ съигралъ мнѣ какую-то мелодію, которая здѣсь, въ комнатѣ, далеко не была такъ эффектна, какъ на открытомъ воздухѣ, на извѣстномъ разстояніи. Я просилъ артиста принести мнѣ образцы музыкальныхъ инструментовъ, какіе употребляются въ этой странѣ, обѣщая купить ихъ. Авганецъ обѣщалъ мнѣ это, но на мое предложеніе продать свою флейту—на отрѣзъ отказался. Послѣ этого я далъ ему небольшой подарокъ и отпустилъ его.

Мирза Лойнаба, принесшій мнѣ письмо Ширъ-Али-хана, былъ награжденъ мною халатомъ. Это возбудило жадность Сары-Джана. Онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, передалъ мнѣ сначала привѣтствіе Лойнаба и затѣмъ, не говоря лишнихъ словъ, прямо попросилъ у меня себѣ въ подарокъ лисью шубку. Не отвѣчая на его просьбу я предложилъ ему садиться. На это предложеніе мой «покорнѣйшій слуга» отвѣтилъ, что не сядетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ подарокъ.

— Меня Лойнабъ-саибъ спрашивалъ, продолжалъ мой охранитель,— получилъ-ли я отъ доктора-саиба халатъ? Я сказалъ, что

Цѣна за два тома 5 руб